

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 14

Тольятти
2018 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель
редактора: Дмитрий Перегудов

Художник номера: Сергей Сумин

Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Март 2018 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Николай ВАСИЛЬЕВ	5
Инна ДОМРАЧЁВА	10
Арсений ЛИ	14
Мария КРОТОВА	17
Михаил ПРИДВОРОВ	22

ПРОЗА

Тимур БИКБУЛАТОВ. <i>Кукловод</i>	29
Илья КАЗАКОВ. <i>Опыт Луки</i>	38

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом. Денис ЛИПАТОВ	45
Денис ЛИПАТОВ. <i>Стихи</i>	51

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Андрей ДМИТРИЕВ	57
Артём РОДЬКИН	65
Мария БРОНСКАЯ	71
Василий СУШКО	73

ПОСТСКРИПТУМ

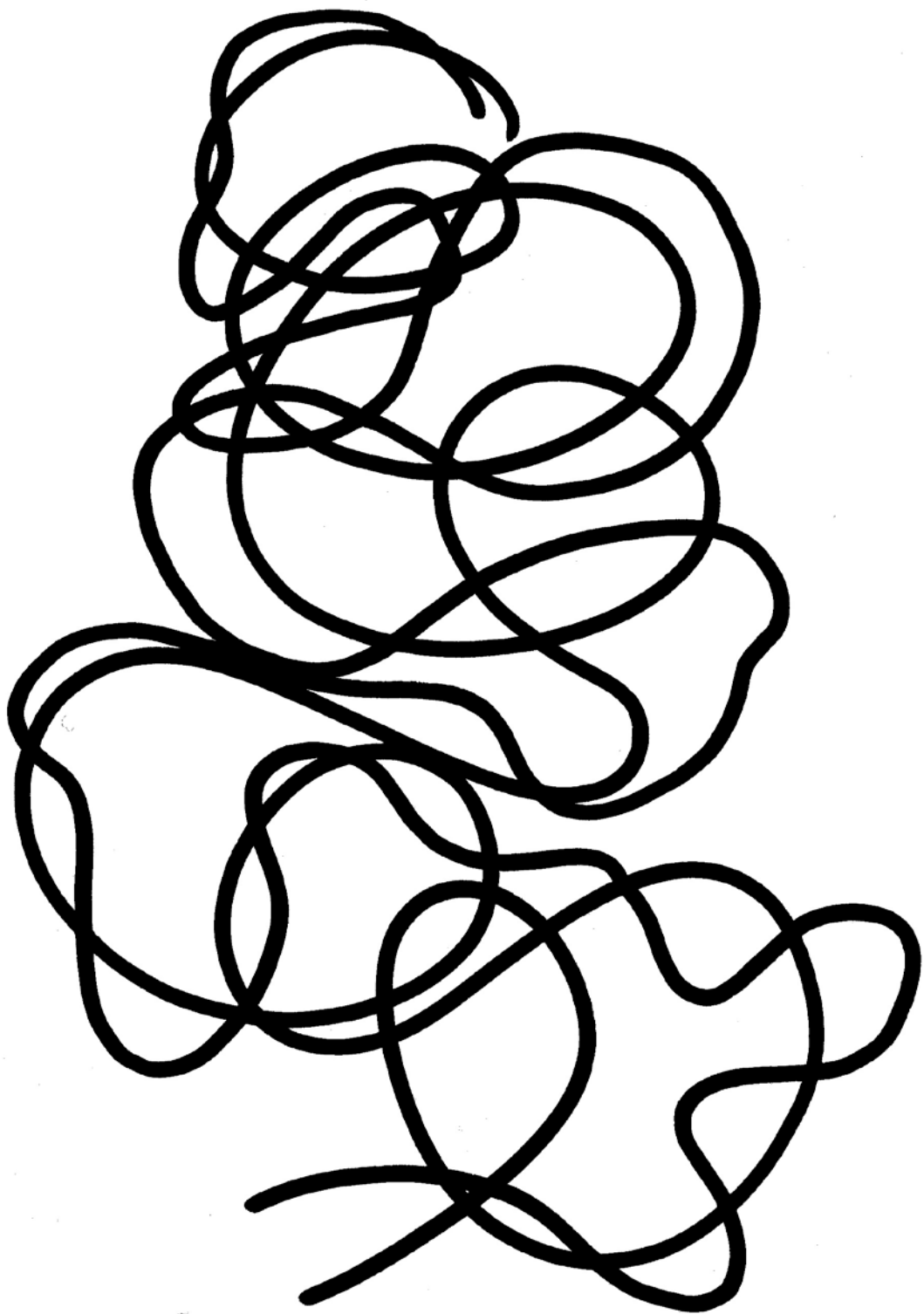
Андрей КНЯЗЕВ. <i>Троцкий</i> . (Фрагменты)	83
---	----

ПТИЦА

Стихи лауреатов и финалистов конкурса "ПТИЦА-2017"	87
--	----

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Михаил Николаевич КИРЕЕВ	113
Предисловие публикатора (Г. Квантришвили)	113
Записки М.Н. КИРЕЕВА	115
КНИГА ЗА КНИГОЙ	134
АВТОРЫ	149

ПОЭЗИЯ

Николай Васильев

***

с беспощадностью первой любви, запоздалой на тысячи лет,
недочитанных книг, недосказанной жуткой печали –
гончий снег накрывает собой твой отысканный след,
и в летящих голодных зрачках не отыщешь концов и начала

в перспективе его ночь сего дня да та же и есть
непроглядная видимость, плоть, что и прошлые ночи
и земля только глас меж лопаток беспорный: "не здесь –
продолжая рожать, хоронить, прозябать, содрогаться и прочее –

нет, не здесь, не сейчас, а в какие края и века –
не об этом я истина, костью послушай меня ты –

краем чёрного моря идущий, не видя пока
за сиянием звёзд, за шумихою волн у виска,
за натянутым ветром и за капюшоном неснятым"

***

что аккумулятор осеннего солнца сбежал
с боями навек из угла, с уцелевшим хвостом,
весна нам теперь, и вообще ничего ей не жаль,
как перед судом, возвращающим к жизни судом –

что мука утробная, тень мою евшая, мне
напомнила через стекло, кто я свету и где
я сердце, но смутно, как музыки тонуший нерв,
подвинувший небо на недостижимой воде –

скажу я теперь, когда мы остаёмся одни,
за младшего брата теперь я, ты скажешь мне ли,
но кровь ли она – на свободе одной и в одном
углу, отворённом предсумеречнымзаокном:

листочка молитвы гуляет по шатким ветвям
и тёмной испитой бутылкой блестит водоём
и смотрит бумага со дна, как знакомое там
лицо и мужское, исписанное огнём,

слепое, и видит тебя на живом, на моём

ПОЭЗИЯ

***

после прошлой отрезанной, перед представшею длинною,
этой тверди глухой полужимним ботинком твердя,
словно в праведный суд бесконечно письмо голубиное:
безнадёга, подстава, подруга дрянная твоя –

мне пора прекращать, мне, похоже, пора до свидания
полусладкой реке по бедняцким монгольским усам –
облажалась ты, милая, сам я такой, увидали мы
это дело в плывучем гробу на сырых парусах

но гляжу на прощанье – да что ж, Бог возьми, так неблизко-то,
будто белые люди, на чёрном ветру лепестки
метят путь свой созвёздный, меж чёрно-зелёными листьями,
в чёрный берег окна, где проезжая девушка спит:

где лицо и ладони, свидетельства некие явные,
безответны и сосредоточенны в искреннем сне,
словно в смерти – и тянут к земле высоты одной яблоки:
по любви обручиться,
в учебник попасть,
проснуться в здоровой стране –

спит надежда темна, что упало какое-то первое
с твёрдым звуком, которому твёрдого имени нет

***

так пейте эту кровь, а что там в ней,
какая живодёрня нерассказана –
кто видит солнце в этой вышине,
тот отвернулся, как свидетель казни

так страшно мне, что это нет, не я,
а косвенный падеж мой и знакомый,
и молодая женщина "нельзя
иначе" говорит мне, как с иконы

ПОЭЗИЯ

страшней, чем если звёзды говорят,
страшней, чем если, зацепив туриста,
с руки противоток, противояд
в бумагу беспросветную стремится

страшней, чем если неподсмертна боль,
раз от любви, не сдохнет, раз оттуда,
и счастья на земле не знает Бог
и ставит с потрохами нас под чудо

так пейте эту кровь, как майский свет
в глазах по обе вдоль дороги ранней –
бескрайний за сжигаемой навек
октябрьских лесов кровавой баней

***

я на лестнице тёмной, родной и поспешной –
узрел
небольшую, как пуля, в углу подоконника книжку
и не знаю, куда приоткрыл и того ли хотел,
что увидел, но вышло, как вышло,
по самую вышку

дикий порох печали и прах, психоделик зимы
разрешён на верхах, по чуть-чуть для веселья и пытки,
и на краешке боли зубовой подсвечены мы
из окон бытия ближним светом его, как убытки

кто они, эти мы, это я, где не слышит никто
вопиющий мой слог, ибо сам обуян выживаньем,
никому до молитвы сей час – будто собственный стон,
он и сам из себя выжимаем

только снег прозябает во тьме, как обратный огонь,
и строки раздаётся пробег, и пульсирует тень, и
на исходе субботы ныряет в лежащий вагон
воскресенья

ПОЭЗИЯ

***

один в деревне чувствует себя:
поел, прибрал и курит, на крыльце сев,
открытую в концовку декабря
спокойно, как в подветренное сердце

распоряжает ветер на полях,
блуждает дождь, пространство отмывая

он говорит: умри, не будь дурак –
кому-то, доведённому до края,

он говорит и продолжает жить
по тишине, где всё, уже не вечер,
и солнце, словно вороньё, кружит
лесов по кругу, вспугнутое вечным

часы идут, не ведая того,
под ремешком скопившегося зуда

(что плоть его, душа и жизнь его
грядущему – как общая посуда)

***

так глубоко, что всё с той поры –
по пунктирной вене изгнанья –
привокзальные помню дворы
и прожектор вокзальный

там, где сроду не пахло тобой,
где и быть-то тебя не должно быть –
пропасть детства взирает на мой
ностальгический опыт

и ещё б я теперь не поэт,
если, столько скитаясь о доме,
понабрёл на нешуточный свет
в приотвёрстом надломе –

ПОЭЗИЯ

между ними, похоже, всерьёз,
посмотри-ка большими глазами –
лишь поехавшей крыши вопрос
между ними и нами –

смерть и ужас мелькают во мне
пристяжными вокруг коренного
огонька сигареты во тьме
единенья ночного

***

половина всей тяготы остаётся зиме до конца,
и я вижу во тьме социальной, посмотрев за чужие струны –

с волосами твоими женщина заступает за подлеца,
и от этого в нём проступает какая-то юность

камень в воду, словно бутылка с воспалённой смесью, летит,
и подскакивают по-над омутом хмель и пламя –

только трудно стало влюбляться на сих тридцати,
словно площадь любая болото, где я ждал бы тебя с цветами

и беда моя подставная – к моего дивана руке
припадала щекою пенной, словно здесь помирать этой ночью

пожелала, а нынче – утро, на рабочем на холодке
из-под сердца меняют почву

и за то, что нечего дать мне, ты прости как-нибудь меня,
как того, кто ещё не совсем ухватился за камень и воздух –

в благосклонную гору влезая, походя всё беспмятней на
непростой романтический образ, по коему создан

Инна Домрачева

* * *

в обледенелой мойке два ножа
друг к другу прижимаются дрожа
горячую сегодня отключили
и на чм не будет сборной чили
и в булочной батона из режа

автобусы стоят пошли пешком
поскрипывая выпавшим снежком
и только в мойке даром что устали
друг друга греют два обрезка стали
обнявшиеся кромка с обушком

* * *

Всей смелости – разжать хотя б их,
Ресниц промокших полукруг,
И не скрывать дрожащих, слабых,
Бежать пытающихся рук.

И осторожно, не крича, не
Намереваясь жечь мосты,
Прижаться к твоему молчанью
Лбом раскалённой немоты.

Из шёпота, из нежилого
Наречья делаешь прыжок
И опускаешь сердце в слово,
Как опускают в снег ожог.

* * *

Искала фото более интимное,
Чем с твоей растрёпанной книжкой,
На которой спала два месяца.
Не нашла.

ПОЭЗИЯ

---

* * *

Трёхдневный иней сбрит заподлицо,
Без мёртвых петель схема совершенной.
Где вырвано трамвайное кольцо –
Не делай опрометчивых движений.

Остерегайся записи шестой,
Критичная ошибка для которой –
В девятой цифре после запятой,
Где мы сошли с расчётных траекторий.

Бьёт в голову, шампанского пьяней,
Идущим в свет кессонная болезнь.
Я солнцем на твоей пишу спине:
«Несовершенен. Тем и интересен».

* * *

А. В.

Уральские морозы затрещали,
Привычная октябрьская пурга,
У Сашки – фляжка с тёплыми вещами,
А у меня и вовсе нифига.

Укутанная дворничиха тяжко
Лопатой сердце смяла и сгребла.
Я спрашиваю: «Сашка, где же фляжка?
Так хочется веселья и тепла!»

* * *

Нет на свитшоте места для эполет,
В рёбрах забился камушек из пращи,
Там, по науке, нечему заболеть,
Нету души у женщины, не ищи.

Просто поломка, клапаны сорвало,
Просто начало века – беда лиха,
Барышня, дайте Смольный, алло, алло,
Сердце, да что ты делаешь, а-ха-ха!..

ПОЭЗИЯ

---

* * *

Зима часы назад перевела,
Всё остеклила, можно не бороться,
Ты говорил – задача про тела,
А это о родстве и о сиротстве.

Ты думал, отыграется легко,
По типу догонялок или жмурок,
Постмодернист в затасканном трико,
Супергерой, почтенный полудурок.

Храни тебя, кривляющийся мим,
Горящая листва и запах дыма,
Пока ты обратимо уязвим,
Пока не уязвим необратимо.

* * *

Шестерня в механизме сломалась,
Жизнь проснулась от топота кед,
И тоска перетаяла в жалость,
Едкой лужей впитавшись в паркет.

Предстоящее планами вымость,
Соскользнёшь –
Унесёт в полынью,
Не дыши, не вдыхай уязвимость
И про слабость не помни свою.

В ежедневнике – «прыгнуть с моста»,
Ты карандашную запись сотри,
Ледяную латунь термостата
Отпусти
И сломайся внутри.

ПОЭЗИЯ

---

* * *

Эта куртка, линяла и как-то не в масть долгопола,
Говорит, что хозяин заранее был побеждён;
Человеку с железкой в ноге недодали футбола,
Не впустив на большой и красивый внутри стадион,

Гомонящей толпой в ограждение вмяв и затуркав,
У подножия врат, где голкипер творит волшебство.
Он всего-то хотел посмотреть, как разделяют турков,
Но бесстрастная рамка в двери непустила его.

На часах — две минуты с начала четвёртого тура,
Пропусти его, дверь, он не тот, кто сказал: «I'll be back»,
Посмотри, где такому хотя бы поднять арматуру!
А заточку он выбросил раньше в растаявший снег.

* * *

Грязь осени бессовестно, при мне,
Забелена, всё начато ab ovo,
И мальчик с лабрадором на ремне
Обмахивает стынущую вольво.

В руке дрожат – держи! останови! –
Прошитые брезентовые стропы,
Пёс понимает таинство любви
Как волю не проситься до сугроба.

Там всё, что он прочёл и произнёс,
Вечерним светом выделено синим,
Пёс жадно ест, облизывая нос,
Тяжёлый, липкий, пахнувший бензином.

* * *

Вдохни и заново уверуй
В свою смешную благодать,
Что позволяла атмосферой
Без респиратора дышать.

Лица движением не выдай,
Что в фильтре вытек порошок,
И воздух горький, ядовитый
Льняные лёгкие обжёт.

Арсений Ли

КОНСТРУКТОР

В конструировании стихотворения
есть что-то принципиально неверное.

Если конечно рассматривать
каждое новое стихотворение, как попытку
переоткрытия мира,
а не его освоение.

УЛИЦА ПУШКИНА

... Не то, чтобы кафе-шантан,
и близко нет —
я продолжаю двигаться на свет,
по вашей, в листьях, влажной
улице пустой.

Над темнотой
так жалко пламенеет этот пир.
Звенит и бренькает расстроенный клавир.
Маячат рифмы бедно, или вовсе нет
иду на свет.

Беззубый петел, прохрипи,
умчитесь в ночь,
чудовища, чудовищева дочь —
литература, мерзостный парнас...
Чур вас.

БУТАФОРΙΑ

Тополя не подрезали много лет
— здравствуй, готика запущенного парка.
Две аллеи — главный неф и левый неф.
Вот теперь действительно не жалко
ничего, а более — себя,
просто улыбнёшься глуповато, —
снег идёт, а в свете фонаря —
будто вата.

ПОЭЗИЯ

---

* * *

Муза — девочка-дикарка —
Не читала ничего...
Светит месяц, светит ярко,
В комнате светло.

Рифма — бедная подруга
Нищей юность моей,
навещала неохотно,
не идёт уже.

Возле школы-института,
родины-страны,
подожди, — ещё минута —
обращаться в сны.

ВОЕННАЯ СВОДКА

Плюс один, ветрено, девочки на углу
шелестят, курят, перебирая всех.
Школа гудит, дребезжит первый звонок...
Это успех, вероятно, это успех,
Для которого стоило не возвращаться домой.
Ни одному, всем, заскорузнуть на мёрзлой земле.
В странную цепь событий, вызванную войной,
ради этого стоило затесаться мне.
2001

* * *

Осень начинается с пустячка.
Парой фраз на берегу реки...
Эти закаты, тёплые ещё пока,
Эти, с долгими удочками, рыбаки.

Даже не думая, вверх или в низ,
Скоро совсем, прочертит диагональ
Свежий ещё, совершенно зелёный лист,
Время года вышло, и совершенно жаль.

Рыба начинается с червячка,
Слово начинается с немоты.
Белые, перистые облака, —
Пена по берегам Леты
2004

ПОЭЗИЯ

ШУТКА

Невыразимое прекрасное
Уже стучится у ворот.
С утра, ты вспомни, — осень ясная, —
Сейчас же, — оторопь берёт, —
Кружит летучий хоровод
Снежинок, человеков, неба,
Снег стелется, зима идёт.

Гляди, осенние авто
Надели зимние манто,
И холодок щекочет нёбо.
И мы с тобой, и новый год,
Уже стучится у ворот.
1998

* * *

Андрею Пермякову

Мёртвый корабль ложится щекою на жёлтое дно,
Море откатывается, обнажая мослы...
Раньше здесь жили люди, потом собаки, но тоже дав-
но,
Теперь даже тени ушли.

Горький песок Арала, помнишь мои следы?
Что-то ты должен помнить — бездумный прах!
Тень стрекозы зависает над тенью воды
Тень моя пристально смотрит в её глаза.

Мария Кротова

LADA – NFH
(разбитому носу Натали Хагман)

Что тревожного в выдохе ветра
вдоль трибуны?
Не о том ли шептали всю ночь
с белых щепок руны?
Это музыка севера,
гнущая парус драккара,
это муза моя вновь помчалась в набег
по тольяттинским тротуарам.
Ради серых, как зимнее небо, глаз
я предам "Ростов-Дон", "Кубань", АвтоВаз,
в сердце тонкой стрелой улыбка –
всему виною:
мяч! отдам белобрысой шведке
и остальное.
Но, прогневав речных богов
старой Волги,
сохранять преимущество в счёте
дано недолго.
Мяч стремительно бьётся в штангу,
NykoBing троллят...
Мою музу с разбитым носом
уводят с поля.

ПОЭЗИЯ

***

handballslandslaget

Со шведских нагорий изломанные ветра
влетают в ворота, как 73 мяча,
белёсыми иглами встретят меня с утра
и закачают, и загребнут.
Ничья.

Эти ветра, острые, как ножи,
режут мои золотые горы,
чтобы сухие снежинки кружить,
с трибун завывая хором.

Их нездешняя песнь намедает страх
из белого сердца женщины ледяной,
то песнь о золоте, спящем в моих горах.
Ничья.
Еще 10 минут – и можно идти домой.

Летящий снег уже делает разворот
вокруг мраморных рук отчаянных афродит,
а белая Хагман взмывает над линией у ворот
и мяч отпускает.
И он замирает.
И он никуда не летит.

***

сказочный олень

пока гарцует сказочный олень
и мечет самоцветы в чаще леса,
его супруга, нежная принцесса,
ждет у окна уже который день.
и варит борщ из утренней зари,
подсаливая тёплыми слезами...
олень тихонько на пороге замер...
и ты, любимая, – замри

ПОЭЗИЯ

***

образовательная реформа

Как трудно быть сутенёром
и выставить проституткой
свою же совесть...
особенно, если ты – предпенсионный директор школы...

Что же касается прочих наложниц – это не новость –
они доживают с рожденья,
боясь залететь в протоколы.

Они дожевали печенье,
допили "Принцессу Нури",
связали букеты поклонников –
и незаметно уснули...
в нише под подоконником.

И кто обвинит их в том,
что запросы бывалых клиентов
весят больше свободного времени
и районных коэффициентов!

Но совесть не та проститутка,
не терпит она извращений,
особенно, если ты –
предпенсионный школьный директор.
И вот, ради новых окон,
дверей и больших помещений,
совесть твоя встанет боком
и выйдет наружу per rectum.

ПОЭЗИЯ

***

Аня Чемагина

Аня выходит на улицу – видит свой город.
Он не такой уж и маленький, но никакой перспективы...
Аня хватает прохожего гопника с пивом за ворот:
"Пиво при девушках пить, – говорит, – не красиво".

Аня, конечно, сама это слово "красиво" не любит:
"Оно, – говорит, – искажает структуру искусства",
но гопнику с пивом она просто скажет:
"А чё, мы не люди?!" –
и пиво его заберёт, и жестянку с рабустой.

Красиво – когда на кирпичной стене прорастает берёза,
когда в синем небе – кривые ржавелые трубы,
весенние улицы, сонные, будто бы после наркоза,
и Мартаскавронск, этот город, целующий в губы.

***

телеграф

три провода как три ночи –
три ночи как три фаланги –
три дома – три феньки –
полдень –
ступеньки –
и ни одной рабочей
станции в Лабытнанги,
где-то у чёрта в жопе,
в белых равнинах – седые сказы:
первый – о черноокой,
второй – о Пенелопе,
третий – скорей для отмаза,
как мулине по локоть,
третий – стандартная фраза:
ведём работы...
в белых равнинах – белые анекдоты.

ПОЭЗИЯ

***

карантин

Вот странно, как мы так могли пройти
и не заметить вывеску под крышей,
а тот мужик как раз оттуда вышел,
и на груди – табличка "КАРАНТИН".

А мы дошли почти что до моста,
крутя, как интуристы, головами,
мы шли, как Мальчик-с-пальчик, за дровами,
паркуясь возле каждого куста

и оставляя пшённые веснушки
на сморщенной асфальтовой щеке,
сверяли карту по своей руке,

разматывая ленточку с катушки...

Михаил Придворов

ПОГРОМЧЕ

* * *

Паровоз в туннель заехал,
Замолчали те и те,
Даже стало не до смеха
В непонятной темноте.

Ни камланию, ни суре
Не пробить бетонный щит,
Бог уснул на амбразуре
И во сне мироточит.

Ничего нет в настоящем,
Всё наощупь, наугад,
Тот кто ищет, не обрящет,
Кто не ищет, тоже гад.

Ничего не будет боле,
Ни огня в конце пути,
Молока на полдник в школе
Тоже больше не найти.

Мчит вагон Илона Маска
Обгоняя звук и свет.
Никого не будет в сказке.
Да и сказки больше нет.

Wi-Fi

Звезда горела в ноутбуке.
В диапазоне УКВе
Летели ангелы кабуки
По обесточенной Москве

Без опасения спалиться,
Где их оседлости черта.
Во тьме фарфоровые лица
Кривились краешками рта.

По верху – зарево в рекламе,
А ниже уровня зеро
Кипело скользкими телами
Насквозь червивое метро.

Качались жёлтые кадила,
От Маяковской до Тверской
Давил вино слепой водила
В своей подземной мастерской.

Там тени мучились виною,
Но не стыдились отродясь,
И становились перегноем,
Вступая в родственную связь,

Никем ни разу не хранимы.
А их картонный караул –
Беспроводные херувимы –
Ушёл, нагуглившись, в загул.

ПОЭЗИЯ

Апельсин

А смерть жила на кончике иглы,
Под рыжей кожей в теле апельсина,
В пустой коробке у Мехмед-оглы,
В глухом углу подсобки магазина.

А смерть жила, пока она жила,
И уколотся вызывались тыщи,
Которым жизнь казалась тяжела,
Но кто иглу забытую отыщет?

Среди коробок, банок и осин,
Когда ночами становилось тихо,
Достав иголку, ела апельсин
И вышивала крестик сторожика.

* * *

Луны обломанная треть
Не может слабого согреть,
И мёрзнет грустный алкоголик,
Бродя у продуктовых нор.
Мерцает звёзд люминофор
Взамен огня фонарных долек.

Гори, гори светодиод.
В сугробе пьяный идиот
Присел, от холода синяя.
Пока стихает жизни зуд
По снегу мельницы метут,
Салаты режет Дульсиня.

Обняв надкусанный батон,
Трамвая ждёт последний дон.
И он подъедет ниоткуда.
Кондуктор снимет пыльный шлем,
Звезда падёт на Вифлеем,
И в Рождество случится чудо.

ПОЭЗИЯ

Форель

Накрывало полынью апреля
Некрасивые спины полей,
Перекаты акрилом форели
Серебрились тревожней и злей.

По затонам лохматился прытко
Настоявшийся за зиму ил,
И рыбак очумелую рыбку
В мутных водах неловко ловил.

Опыляли холодные росы
По степи травяной купорос,
И мальчишки сбегали без спроса
На вечернюю дойку берёз.

Навь

В кирпичной рамочке стены,
С дождями не соприкасаясь,
Цветут раскрашенные сны
Небрityм кактусам на зависть.

Их опыляет не пчела,
Что одноразова и в смерти,
А пчёл июльских чучела
И слов бессмысленные QWERTY.

Их тайный смысл ведёт к тому,
Что в завершённом настоящем
Сны вырабатывают тьму,
В себя затягивая спящих.

У приоткрытого окна
В своё ночное разнотравье
Ты с головой погружена
И что-то там лопочешь навье,

ПОЭЗИЯ

Почти что сахарную чушь.
Но вместо пальчиков осока
С твоих ресниц смывает тушь
Из апельсинового сока.

Не тороплю утра, прости,
Но сон стал вымучен и вязок.
Ты перестала в нём расти –
В стране невыученных сказок.

В твоём придуманном внутри –
Обмана ласковые струи.
И как ты мне ни говори,
Я всё равно не расшифрую.

Что по губам бы ни прочёл,
Всё только ломкий шорох крыльев
Нераспускающихся пчёл
В полёте за цветочной пылью.

Белое море

Как останется пригоршня злого,
И запустят февраль в оборот,
Где-то рыбы склюют рыболова
В крепко-накрепко скомканный рот

И, таращась в подлунные лунки
Сквозь дыхания влажный налёт,
На закрашенном снегом рисунке
Плавниками простучают лёд.

А снаружи, помечена хною,
Не смотря на большие чины,
Ты пойдёшь на войну не со мною,
За нашивки, что не вручены.

ПОЭЗИЯ

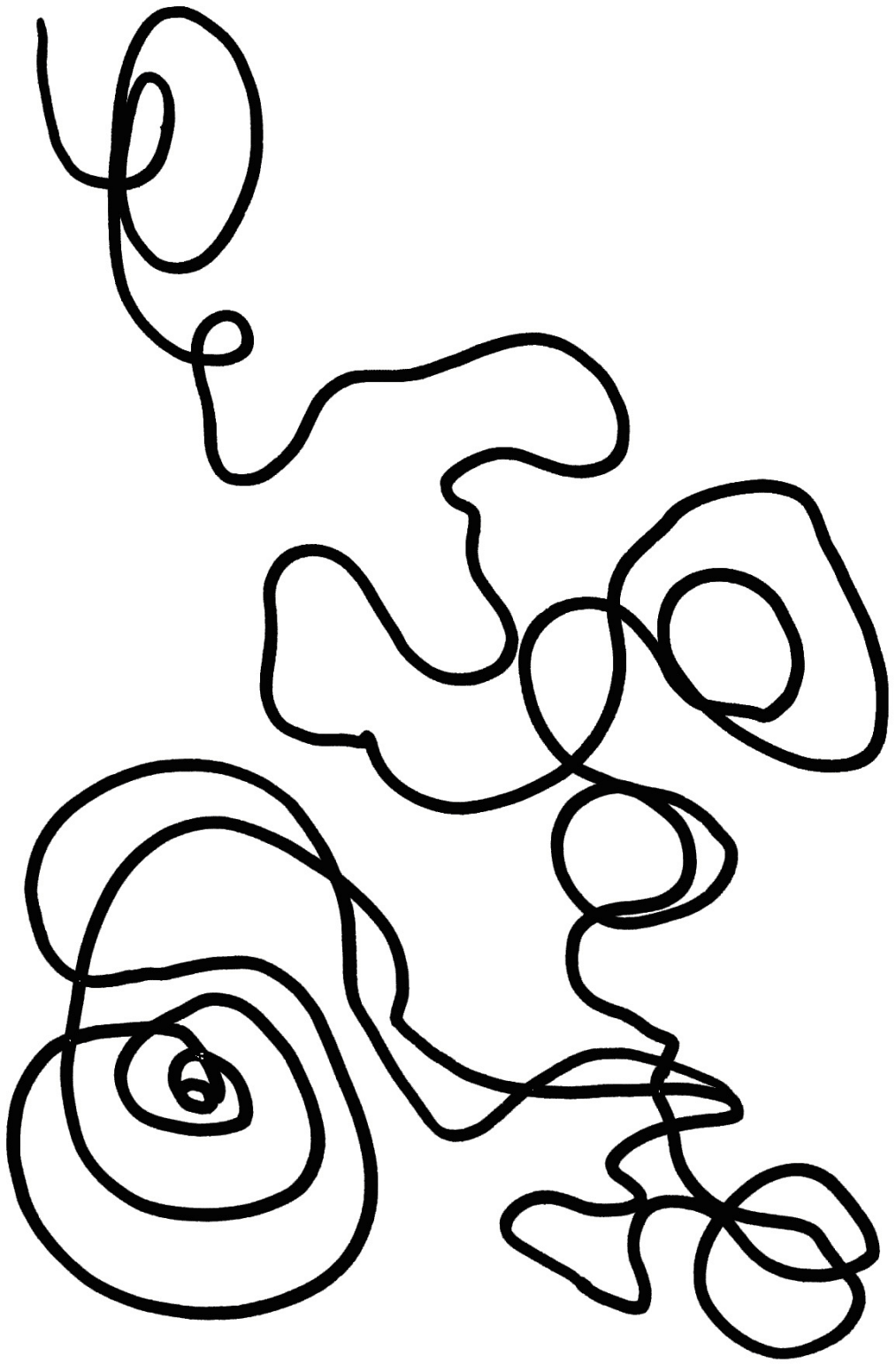

Там, где сходят с привычного рельса,
Избегая взаимной любви,
И прогорклые сны погорельцев
Демонстрируются по TV.

Где проявят на плёнке отвагу,
Пусть она по ночам не болит.
Запиши мне слова на бумагу
И нажми по привычке Delete.

Кто опять засмеётся последним,
Тот заслужит свой корм подо льдом,
Если снег, удивительно летний,
Не согреет ни здесь, ни потом.

И пока ты жива априори,
Под обстрелом целуя картечь,
Это белое марево моря
Всё в тебя норовит перетечь.

Тимур Бикбулатов

Кукловод

*Хорошо шутить можно только одним способом:
делать из людей игрушки.*

Александр Грин

Я проснулся от того, что случайно уронил голову на пульт. На сцене вспыхнула декорация из «Карлика Носа». Зеленый камин, в котором старая карга варганила свое вонючее варево, заблестал оранжевыми и алыми светодиодами. В плетенке недвижно скалились капустные головы, остальная часть сцены оставалась черной дырой.

Вчера была премьера, и мы с монтажниками и звуковиками неслабо отметили этот детский праздничек (актеры возливали отдельно – обычная субординация). Помню, заходил главреж, поздравил с хорошей работой и поставил пузатый коньячок. Помню, как начцеха вызывал такси. Помню, занимал Гене-монтажнику столик, И последнее: как поднялся в цех сменить тапочки на ботинки...

Электронное табло показывало 02:43. Тапочки я так и не передел, зато под пультом поблескивала треть «клюковки». Интересно, почему меня никто не забрал? Молодцы, напарнички!!! Сигнализацию снимут только в семь – даже в толчок не выйти. Можно только через окошко цеха – в зал. Здесь это реально. Хорошо, что уволился из цирка – там пятьдесят метров до манежа – сиди и не кашляй. Глотнул из горла – стоит выключить освещение – мрачная картинка наводит депрессию. Я бы вообще запретил детям читать Гауфа – его нужно только смотреть, причем с нашей свето-звукотерапией и мамочкой под боком – лишь в этом случае безысходная инфернальность укрепит детский иммунитет.

И вдруг мне стало не по себе – в декорациях кто-то зашевелился. Крыс в театре отродясь не было, все тросы и софиты недавно

ПРОЗА

смазаны. Может, Генка завалился сопеть прямо за кулисой? Это было не впервой.

И тут отчетливо, хоть и негромко, из шороха стал проявляться Григ. Я метнулся к пульту звуковиков – он был отключен. Даже шнуры от динамиков были отсоединены. И, тем не менее, пульс гномов маршировал от кресла к креслу в оглушительно пустом зале. Глотнул «клюквы» – «подземный король» не утихал. Вырубил пульт – камин не гас, мерцающее в нем пламя только «разгоралось», превышая предельно допустимую мощность сети. Стало совсем тревожно.

Рядом валялись наброски к диссертации Лады «Влияние температуры на акустику снега». Она еще в детстве заметила, что снег при разном минусе скрипит особенно и очень четко определяла температуру за окном по первому вышедшему из подъезда. Осталось только все воплотить в нотных графиках: абсцисса – цельсии, ордината – нотный шифр. Я, наверное, один с настоящим уважением относился к ее записям – даже научрук скептически почесывал усы обкусанными ногтями. Попытался читать введение, но в башку лезло только достоевское «По поводу мокрого снега». Самокопания Подпольщика становились удивительно родными. Тем более, что записки парадоксалиста были темой моей, давно заброшенной, диссертации.

И вдруг сработала снегомашина – мохнатые хлопья полетели на первые ряды, хаотично и непорционно, как будто заклинило реле или сломались насадки. Жутко, вроде, не было – покалывание в груди – обычная похмельная аритмия. Иррациональность даже прикалывала – мир снаружи тоже не был пресыщен логикой. Но что-то происходило в зале и во мне. Словно рука всевышнего пупенмейстера замысливала для меня спектакль. Или со мной? Или надо мной. Но ведь если кому-то нужно, обычно зажигают звезды. Ну, или чаще – начинают войну. Как в нелепом фильме – один спуск затвора, и ты – либо на небесах, либо в фотоальбоме. «Пока не освещен – защищен», – родился окказиональный афоризм. «It's time to play the music? It's time to light the lights...»

Я начинаю слышать, как во мне поднимается температура. «Клюква», разведенная тревогой, уже не сдерживала мозг – я

ПРОЗА

стал искать укрытие, конвульсивно сползая за пульт и броуновски перетекая в угол «светлячковой». Нос уперся в какие-то промасленные тряпки, и по ушной раковине (какой сантехник ее так окрестил?) проскребся рваный край какого-то раритетного светофильтра. Дышать стало не вмоготу, но меня несло дальше, я всверливался в это подкамеечное пространство в надежде обретения неотвратимого «неба в алмазах» или хотя бы ломтика солнца в прокисшем чае. Вакханалия овощных отходов в минорном полумраке индевела где-то позади, не задевая даже пятки. Эдвардианская канонада стихла, и вдруг я отчетливо услышал разговор, четко разложенный на две приглушенные партии.

Первую вел глухой с хрипами баритон, мудро-спокойный, немного уставший, но отнюдь не ленивый. Временами он грассировал и перекачивался из снежного альпийского тембра Адамо в расколотый хрусталь Бреля. Хотя...надрыва не допускал, казалось, верхи выпускались куда-то в воротник или кулак...

Второй – высокий ломающийся тенорок, напомнивший крылатого Пубертино на флюгере старой башни. Не знаю, существует ли такой языковой процесс, как монололизация диалогов, но этот вырванный отрывок вполне подошел бы под такое определение. Сипатый вел уверенно:

– ... существует два состояния: или параноидальная мономания, когда вполне невзрачный объект становится внезапно без малейшего объективного повода центром нейтрализации всех конструктивных помыслов...

*– ... и, как следствие, все бессмертные манускрипты коробятся от слез истеричных златокудых вьюношей, публично вскрывающих неоперившуюся промежность булавочками из пересохших гербариев... – мечущееся от *altino* до *di grazia* продолжение ложилось ровно в ритм и размер зачинщика. Хотя кто из них первый вступил после проигрыша, было сюжетно неважно. Казалось, второй (как я уверенно заключил, совсем молодой) выставлен по роли трикстером-дразнилкой, намеренно*

ПРОЗА

вводящим героя в ничтожность высокоумным абсурдом. Но что-то не срасталось.

-...рациональную основу здесь искать бессмысленно, все до этого сформированные идеалы и эталоны перекроены и впопыхах напялены на эту измазанную афродизиаками ловушку. В легких случаях остается небольшая нервная гематома, в тяжелых...

– ... и все без исключения венеро-давидовидные символы вечной верности/непостоянства склеиваются зелено-болотными суррогатами безысходных соплей полудевственных гимназистов...

– ... формах утрачивается способность естественно и адекватно осязать и осознавать реальность в целом. И так как этому подвержено большинство переболевших, то и строят они свои представления об интерьере и принципах его организации однотипно «правильно», множа плохо действующие лекала с четко вырезанными «да» и «нет»...

– ... и в самые сентиментальные мазочки елейно вливаются перебродившие поллюционные завитки и рюшечки, барочно маслящие беспорочные очеса...

– ... иррациональность, породившая «правила», отмирает, как куколка и на свет появляется нечто, которое просто на всех уровнях не признает возможности другого истока и другого исхода. Потому, «правила», хоть и слабо функциональны, но незыблемы...

– ... отсюда – сонмы серенад и сюит, построенные в идеальном гармоническом строе, сплетаются из истомных вдохов и полусрамных «фи», псевдоэкстатических предвкушений приоткрытия завесы на полпальца точеной ручонки....

– ...и есть второе проявление...

Тут меня внезапно оглушило непонятно истошным воплем с верхнего надсценного каркаса, я звезданулся об какую-то доску и вмиг оказался в положении «Pater Noster». Все было тихо, и

ПРОЗА

темно – ни одного дежурного диодика. Но болотно-ягодный эликсир нашупался на месте. Глотательный вдох, облизывание стеклянной резьбы, вытирание губ, выдох. Ничего не изменилось. Мозг был удивлен и пуст. Я был изнутри похож на околосостояние курнувшего хорошей травки, выжатого многодневными нон-стоп совокуплениями и выброшенного на кого бог послал просветленного тощего хотяя. Еле воплощенная субстанция недосказочности. Я добрался от точки Z до точки бифуркации. Сколько это длилось – секунду или семь томов Пруста – было вне фиксации любого хронографа. Пока не внезапный флэш! Декорация рванула сразу по всем партитурам, запрограммированным на сезон, причем в режиме «шафл». Пьеро в костюме Адама недвусмысленно приближался ко мне, призывно облизывая сухие губенки змеиным язычком. «Собака с глазами в чайную чашку» страстно обнюхивала подхвостную область докторской Аввы, спрятавшей свой нос в белоснежном гробике. Из угла в угол за эллиным домиком гонялся истребитель Экзюпери. И все это под куплеты бабок-ежек и новогодний салют. Перед самым лицом прошмыгнули две какие-то сиренофурии, успев гаднуть на мои очки каким-то вазелиновым клеем. Ну, это уже издевательское вторжение в мое пространство. Одно дело – Шрек или Горлум на нестиранной занавеске – другое, когда марионеточные слюни пачкают мою свежестиранную рубашку, когда-то подаренную Джимом Моррисоном моей маме, напомнившей ему Памелу.

Последние годы я находился в репрессированном состоянии, и только сейчас ощутил себя вонзенным в жизнь. Правда, жизнь с пустого (чуть не сорвалось – «чистого») листа. Все поменялось. На халяву: пьяная коммуналка в центре на более трезвую в чепыжах, Не глядя: интеллигентную пустышку с тремя дистанционными дипломами без претензий на вполне любящую продавщицу, прошедшую туда и обратно пожары, наводнения и духовой оркестр. Случайно: учительский стол с вечно непроверенными тетрадами и унылыми книжками на каморку с розетками, шнурами, прожекторами и бесплатными детскими спектаклями. Отсюда: «тройка», оставшаяся с выпускного и служившая неизменной педагогической спецовкой на удобные, не требующие стирки брюки с многочисленными водолазками. В конце концов: клопочущий эксгибиционистский трагифарс с

ПРОЗА

неизменными майкорваниями или испанскими воротничками на простенький серый моноложек за густым борщом с многозначительной концовкой мягким философским задавливанием бычка в псевдомалахитовой пепельнице. Между делом: бросил пить.

Итог: за клюквенным пультом отмахиваюсь глазами и ушами от винегретной куклогонии. И это не глюк.

Пьеро надвигался, раздвигая ручонками фосфоресцирующий хаос и демонстрируя свои пубертатные приобретения стыдливо наглеющим русалочкам.

Гауляйтер Валик гавкал в рупор, и дядьки-молоточки херачили мальчиков-колокольчиков так, что чижик-пыжик в панике растворялся в надводном тумане. Дряхлый нестираный Гендальф отчаянно христосовался с чокнутым паркинсонным шляпником под «пли!» яйцеголового Шалтая. Кадавр жрал. Я рысью метнулся в спасительную щель.

– ... забыл про третье. Тупая вера, что надо, необходимо так существовать, что если вовремя не оседлать, не впендюриться в манящую сиськами «принцессу», по-лицарски не обменивать банальные серенады или букетные венки на ее благосклонные подачи «потрогать там», скабрёзно выдавая затертые намеки на подъездно-подоконное чмокание-чпокание, то и жизнь пацанячья не пацанячья ни капли. Эта пещерность...

– ... и раздолбание себя и всего становится нормой сборки однотипных и сносных амбаров для жора, кают для трахания, нор для бухания, каморок для мозгодрочки... Подпространства для Федора Михайловича лепят именно такие одноклеточные озаботки...

– обезьянне раздражательна. Так делают все «нормальные», так «принято». Батяне-мамашин пример не обсуждаем. Ее клевость должна быть заценена «по понятиям», одобренным питекантропами. Количество проб не ограничено до первого залета. Да и это лепилы выправят...

ПРОЗА

– Мендельсон и Шопен принимаются как одноразовая данность, Бетховен машет хвостом и достоин супового набора, а Моцарт – из непонятого «там» вместе с моцареллой и «мазератти». Музыка редуцируется до музона, а духовность пованивает поповским ладаном...

То есть, пока я изворачивался в слизистой каше мистеричной клоунады, эти хористы-семинаристы тоже успели всосать не помладенчески? Или же их лексическая партитура внезапно перекодировалась под мой раздрай? А может, мое периодическое «клюкование» стимулировало свободное плавание моего рецептора по диапазонам? Не важно – сигнал нормальный, и в щели – безопасно. Буду здесь. Ведь когда-нибудь абсурдная фантазмагория тряпичных извращенцев стихнет или я сумею заснуть до прихода клининговых сотрудниц. Это придет, и все снова станет привычным...

Снова отслюнявил пару сальных страничек назад. Как ни странно, я докатился до того, к чему совершенно не стремился, но инстинктивно полз, уперто и косинусоидно кривуляя от зализанных идеалов до нехитрого самовшторивания. Вроде, отвандалил себя еще не до полной невозвратности, но достиг завеса в level crime и самовлюбленно грежу о моменте превращения бледной поганки в крепкий цветущий груздь. Так, чтобы дунул-харкнул – в валетах. Но не молитвой – тщетным взыванием о взмывании, а так, как в укуренных сказках: «Трах-тибидох, страх приидох». Когда-то воняющая немывтостью вангоидная нострадамка за пластик бодяжного спирта вычитала на моей мастурбационной ладони, что бугры Венеры и марсианские впадины предрекают, что мне сломает копчик дочка французского инженера. Ну я-то не вещей Олежка на тощей каурке, и не Мишаня Берлиоз с конопляным маслом, чтобы судьба-извращенка бросила все свои хитрозаточенные гнуси и замысловато сводила исторические нелепицы на основании моей костлявой задницы. Да и было-то это во времена царя Гороха, королевы Фасоли и отпрыска их – Боба Дилана (пьяный всегда говорит на языке прошлого, и думает, что это – его настоящее). Я – «бывший в употреблении», в постоянном употреблении, сейчас запросто брошу канитель-неотвязку и поплыву роскошным

ПРОЗА

лебедем по глади барского пруда. Пару глоточков из горловины и ухом – к трещине.

– Тоннельность взирания на. Недостаточноклеточные замешаны на злобе и поэтому любое их поползновение – злобное. Простому организму легче оперировать догмами, понятиями. Не надо мыслить просто, нужно просто мыслить...

Че-то трясет не по-детски... Они явно играют на меня, моими фиоритурами и умыкнутыми набросками мыслей. Обе роли должен исполнять только я. На оба голоса. Так и не задиагностированная у меня шизофреничность всегда помогала мне при резком перепаде ландшафтов, срыве декораций и перетасовке персонажей. Здесь не подходили отлитые в свинце литдефиниции типа «двойственность», «дуализм», «дихотомия» и прочая д-дробедень. Меня невольно подстраховывал я сам: подпевками, подтекстами, подмасками. И меня мотало от «расколотости вдоль» до «распиленности поперек». Теперь некто хотел это повторить въявь...

Да на шампуре я вертел эти поползновения на мою неприбранную крепость с давно заколоченными бойницами. Я буду лить расплавленное презрение на их тупые проплешины, пока какая-нибудь не поддавшаяся по своей глухоте фальшивому сипению бамбуковых кларнетов престарелая Шушера не вскрыет мне замасленный холст перетрахавшегося Караваджо и швырнет в закаминную халяву...

Резкая рваная боль в ухе. Волосатая татуированная клешня схватила меня за мочку. Это совсем было не похоже ни на легкое мамино пощипывание, вызывавшее приятную дрожь по всему лицевому нерву, ни на жесткий отцовский императив, неумолимо окунавший в раскаяние, ни на ежегодные рывки от подбородка к переносице детскими пальчиками друзей в конце февраля перед торжественным задуванием свечного торта. Нет, меня тянули не в прекрасное далеко от чистого истока, меня грубо подсекли, как глупого ерша, на тупое пубертатное любопытство и я потек сквозь прорванную фанеру вниз, ин ферно, обдирая сушеные мощи пародиями голгофских шурупов. Глаза уже протиснулись туда, куда еще мгновения назад тянулся испуганный нос,

ПРОЗА

оставляя всем карам и епитимьям на поругание мой незащитный тыл.

Так вот кто нагло умыкнул мою шахтерскую коногонку и под сливочное пиво рассуждал о любовьке – Альбус Персиваль Вульффрик Брайан Дамблдор и развратный кинэд Гарри нагло пялились на мою исцарапанную переносицу, цинично поглаживая друг другу гульфики. Слишком предсказуемый каминг-аут...

Я, как заправский сифилитик, втянул в себя ноздри и рачьим рывком рванул в обратку. Приземление пришлось на звуковые фейдеры. «А-а! И зеленый попугай!». Клюквенный флакон об косяк – в розочку. И сквозь электрические присоски хаттифнаттов, рвано-резано-колотым коридором сквозь выбитую дверь под рыдания сигнализации к лестнице. Пара-тройка лестничных маршей и я на колосниковой балке. Рука в истеричном «факе» вниз и вверх (понятно, кому) – я свободен!

– *Браво, Тибул! — Держись! Вспомни, как ты ходил по канату на ярмарке,* – голос механической куклы подбадривал меня и я пошел...

Я был абсолютно трезв и легко, пританцовывая, как Заратустра, шлепал по лунной дорожке покаянным прокуратором. Я получил прощение, освобождение и спасение!!! Еще семь шагов и...

Удар крыльев по затылку (откуда здесь чайка?), голова, как на шарнирах, ударяется о колени, полет, хруст позвоночника...

«Генка так и не утащил чугунный макет Tour Eiffel в подсобку...».

Музыка стопарнулась, свет стал медленно уходить, Гарри сдирижировал жезлом и куклы засобирались домой.

«Когда они вернулись, было уже темно. Все стояли на берегу, и во взглядах их золотых глаз Джонатан читал почтительное восхищение».

Илья Казаков

Опыт Луки

Рассказ из цикла «Хороводоводоведы»

– Самое смешное в том, что я даже не намеревался подойти к ней. Более того, я даже не смотрел в ее сторону, – Самуил хмыкнул и протянул мне бутылочку пива. – Потом завертелось, закрутилось. Редкие, но те лестные отношения. Банкеты, фуршетты, поминки, свадьбы. Понимаешь, мы с ней всегда занимались этим под воздействием...

– Куратор бы сказал так: «На несвежую голову». Он любит перифраз. Передай тарелочку, пожалуйста.

– Знаешь, скорее всего, мы понимали, что можем общаться друг с другом только в измененном сознании, под другим углом, так сказать. И не вспоминай про Куратора. Мне страсть как не хочется разговоров про детей и старух.

На бочонке, ловко приспособленном под стол, кутейная сервировка, с оговоркой по Фрейдю и с сервизом по Островскому. Сэм протянул тарелку с нарезкой, свиными ушками, оливками и зеленью. Ветка розмарина зацепилась за кинзу, и половина зеленой копны рассыпалась по столу. Пучок зелени в оливковом масле с тминной булочкой в бумажной обёртке – это не эстетство, это традиция.

Сэм. Сокращенно обращались только друзья и немногие родственники. Самые близкие и родители к нему не обращались, а однажды я услышал, как мама вообще неприличным словом его называла. Лично я вслух называл его Самуилом и только в душе Сэмом.

– Так, где вы познакомились?

– С Куратором мы познакомились...

– Я не про Прокуратора... не про Куратора, – с его стороны было свинством поймать меня на «про-про-кураторе». Самуил частенько подхватывал легкие неточности разговорной речи и не раз умудрялся емко и сочно каламбурить.

– Да не с ним, а с ней.

– Меня представил ее будущий муж, Олежка. Тогда они учились вместе. Ни о каких отношениях между ними и речи не

ПРОЗА

велось. Он представил нас, мы кивнули друг другу. Она – к девушкам, а мы пошли в курилку. Олежка Осанин мне только один вопрос задал: «Ну как она?» Я воспринял этот вопрос иначе. Говорю ему, что-то рассказываю. А сам ловлю себя на мысли, что запал мне взгляд ее. Силуэт фигуры отпечатался на подкорке – я и так его и сяк, применяю по полной. Заключил в итоге, что есть в ней что-то от ведьмы, стервозное что-то... притягательное и разрушительное одновременно.

– А почему же заговорил с ней?

– Вот ты опять начинаешь... Повторяю: не хотел даже смотреть на нее... – и махнул четырьмя пальцами в мою сторону.

– Значит, с первого взгляда ты понял, что если еще раз помотришь на нее, даже не заговоришь или не, упаси боже, подойдешь ближе, случится то, о чем будешь жалеть?

– Лука, ты всегда забегаешь вперед. И какая радость бежать перед комбайном? Ты историю до конца хочешь дослушать?

Я пожал плечами и согласился.

– Так во-о-от... – протянул Сэм.

– Я одного не могу понять, Самуил, – прерывать не входило в мои привычки, но в этот момент я отважился нарушить устоявшуюся тонику беседы. – Вот ты твердишь, что не хотел, не намеревался, не смотрел, а все-таки заговорил с ней. Выходит, опасался для вида, типа «это не я». Делано кривлялся только, и все... Потакаешь ты себе из побуждений неоднозначных, – под конец фразы я придал своему голосу тембр бархатного баса церковного священника. Получилось так себе, но Сэм уловил этот момент. Резким движением пальца, лихим щелчком, смахнул сигаретный пепел в пепелушку и возмутился непреклонно в своем ключе. Может, мне и показалось в ту секунду, возмутился он несколько раздраженно:

– Да что ж ты будешь делать, Лука, твердишь одно и то же, талдычишь даже. Ну как можно пройти мимо красоты! Понимаешь? Ми-мокра-со-ты... А красота, друг мой, – это дело ответственное! Потому я и мялся.

– Вот твоя красота где, сам же говорил, что под «чем-то» под воздействием «чего-то»... да еще обязательно. Это «чего-то» да увеличивает что-то, что-то да приукрашивает. Тогда совсем не понятна роль красоты в данном процессе.

ПРОЗА

– Ну, что тут непонятного... Красота притягивает магнитом, прости за банальное сравнение, да? Как цветок пчелу – так лучше? Конечно лучше. Вот меня и притянуло.

– Хорошо прикидываться стойком. Прошу выделить курсивом «прикидываться», – про себя я несколько раз повторил эту фразу. «Хорошо прикидываться стойком». Бывает, прицепится отрывочный обрывок, и ни чем не отобьешь, не отгонишь, можно лишь отвлечься.

Самуил пару раз ткнул кулаками в пуфик, взбил, положил на спину, откинулся на спинку кресла и продолжил:

– Мы стали встречаться. Как правило, она приезжала ко мне, будучи уже навеселе, а в те времена в моих запасах частенько появлялись напитки из соседней бакалеи. Шампанское? Пожалуйста. Конь с яком? А вот они! Естественно, мы слушали музыку; конечно, танцевали. А когда мне казалось, что я на пике своих возможностей, мы сплетались телами...

– И падали на софу...

– Нет, Лука. На шкуры, на лепестки роз, на облака. Попадали в паутину неги и грез. Это было так... такое...

– Куратор бы сказал, что ты уже не тот, что чувствам слов не можешь подобрать.

– Я думал. Как назвать это чувство? На что оно похоже? Мне даже казалось, что это наивысшее чувство, которое может испытывать только человек, но мне не хватало маленькой части, грани или, как сказал бы Куратор, толики-крупички. Но все же я нашел подходящее слово нашему чувству, но произносить в обществе не буду ни за какие ковриги.

Оставалось только бить в колокола «Са-му-ил-раз-ду-харил-ся». Я поднял руку и ударил в рынду, которая висела над моей головой и исполняла роль дачного звонка. Никакого мореманства, Сэм подвесил ее из кинематографических побуждений – звук в точности напоминал заставку Одесской киностудии с боем корабельного колокола. Тинь-дин-н-нь!

– И?

– Постоянство – удел безмозглых, так сказал бы Куратор! А я перефразирую его сентенцию... Постоянство – удел мертвых. Мы же живые люди. Нам свойственно менять и меняться. Взять, к примеру, тебя, Лука. Сначала ты не доверял мне, но после рекомендаций, которые получил от Куратора, мы встречаемся почти каждый день. Ты и теперь думаешь, что это благодаря ему?

ПРОЗА

Самуил был знаком с сыном Станиславского и иногда вспоминал про это. А еще он был знаком со Смоктуновским и сыном Смоктуновского, видел Кайдановского, читал Мережковского и чтит Паустовского. Поэтому пауза затянулась.

Я привстал от стола. Домик освещался изнутри притушенными лампами. Два окна, веранда. Их света хватало, чтобы разглядеть хвосты пробегающих за забором собак, но мой взгляд все равно настырно упирался в забор. «Забор-забор-забор», жужжало в голове. С чем это связано, я вспомнить уже не мог. Так, мы все меняемся. Разница лишь в степени, в размерах, масштабах, если хотите, этих изменений.

– Да, я думаю благодаря ему. Я так же соглашусь и с тобой, но при одном условии, что ты все-таки доведешь историю до логического конца, и я не разочаруюсь.

К беседе, к ее качественным свойствам, к ее ходу Сэм относился бережнее всего. Мне показалось, я услышал отголоски эмоций, что мне довелось испытать в его обществе. Это произошло у Трамплина.

Редкая фраза Куратора не долетала до центра Столицы и не становилась расхожей. «В городе, где есть Зеленая Роща, обязательно должен быть Трамплин». Именно в том месте и в тот момент я понял, каким разнообразным может быть человек. Последние сухие осенние денечки – казалось бы, бегай, гуляй по опавшей листве, радуйся солнечному дню и ясному небу. Но нет. Мы стояли у основания трамплина прямо под точкой отрыва, то есть у самой опорной сваи, и вглядывались вдаль. «Знаешь, почему мы молчим? – прервал тишину Сэм. – Мы смотрим, и нас не устраивает то, что мы видим, а слова подобрать очень трудно сейчас, да? Хорошо, что ты согласился приехать сегодня со мной, ведь я понял, чего не хватает. Нам не хватает Фудзиямы. Вообще-то у Японцев целый культ существует на эту тему. Возвели храм, там даже почта есть. Паломники взбираются к храму уже много-много лет ежегодно, одно время в моду вошли ритуальные самоубийства молодоженов. Они не могли быть вместе, и сия пучина поглотила их в один момент... и тому подобное. Я заинтересовался данной темой и в поисках упоминаний о горе Фудзи натолкнулся на следующие строки, имя поэта позабыл, но его суть не важна. Копия древней рукописи эпохи Ямато-Ниппон, датированная серединой первого тысячелетия, сохранилась в архиве Ирзиана Бика. Ты же работал с ним и знаешь, как педантично он от-

ПРОЗА

носится к подобным артефактам. А строки такие: «На Фудзи взобраться невозможно. Эта гора широка наверху и узка внизу». Под рукой был карандаш, я им не преминул воспользоваться и начертил, схематично конечно, сначала очертания Фудзи – снежная шапка охлаждает кратер, значит, облака есть всегда, перевал, пара холмов на склонах, затем в верхнюю выемку поставил точку и начертил равнобедренный треугольник. Вот смотри, я покажу, – Самуил наклонил голову так, что в лысине отразилось солнце, а носком ботинка начертил гору с водруженным на нее подобным, но перевернутым вершиной вниз треугольником. Получилось похоже на песочные часы. – Скажешь, похоже на песочные часы? Я сначала тоже так подумал. Прошло несколько секунд и меня осенило. Это же гриб! Представляешь, Лука! Это гриб ядерного взрыва. Я понял, что послание не дошло до адресата только потому, что на голоса древних человечеству наплевать. А можно было бы столько людей спасти, предупредить, переселить, в конце концов. Не хватает нам горы, Лука, выходит, нужна гора очень.

Я опять посмотрел вдаль и там, в крошечной темноте, увидел гору и взрыв...

Ба-бах! Пустой поднос слетел с бочонка. Самуил вскочил, чуть задыхаясь, дал знак не отвлекаться и оперся об изголовье кресла:

– Ты еще даже не спросил меня, существует ли концовка истории вообще, а уже просишь коду. Так и быть. Я пригласил ее на «кое-что необычное». Самая продвинутая молодежь была прекрасно осведомлена, что есть хиппи, они за мир, свободу и любовь, они – дети цветов и с удовольствием курят некоторые из цветочков. Так я ее и заманил, сказал, что у меня есть «Марь Иванна» и я хочу именно ее и непременно с ней втроем. После звонка я спустился в палисадник, надрал похожей растительности и припек ее до хруста в духовке. Ждать себя особа не заставила, впорхнула в квартиру и плюхнулась в кресло, вот в это самое, на нем ты и сидишь, Лука. Да ладно, брось, шучу. Я набил в трубку, закурил и передал ей. Она закашлялась. И так несколько кругов. Она перебралась на кровать, замурлыкала, вроде как расслабилась. Я делаю вид, что тоже опьянел, а в голове ясность, я ж понимаю, что ничего не будет и... тут... как бы выразиться точнее. Представляешь, абсолютно ничего не получалось ни у нее, ни у меня. Более того, я понял, какого размера между нами бездна.

ПРОЗА

Умопомрачительная! Чудовищная гигантская пропасть, и мое «я» смотрело в нее всей своей реальностью. Мне жутко стало. Она, в свою очередь, вперилась на меня непонимающим взглядом, будто хотела спросить, кто этот человек перед ней. Что вообще происходит? Что я вообще тут делаю? Этот вопрос она произнесла более отчетливо, скользнула в сторону, схватила, что было, влетела в туфли и драпать. Больше мы не встречались... Ну как тебе? Что скажешь?

– Да-с, смею заверить, что вы провели бесподобный и совершенно безболезненный эксперимент, который многое расставляет на места. Мне дюже нравится, – я специально растянул слово «дюже», в тот момент я думал. Думал, как же все связано между собой. Какие бы нейронные связи не работали, у кого бы они ни работали, как скоро или медленно, любой приходит к одному и тому же. – Можно ответить фразой Куратора?

– Нет. Я хочу слышать твои собственные рассуждения.

– Самуил, я не сомневался в тебе с самого начала. А эксперимент я понимаю так: ты тут упоминал частицу... Так вот, эту недостающую частичку не заменят ни алкоголь, ни цветы с шоколадом, ни шубы, разносолы и авто. Это искомое ты нашел, желая измениться и просыпаться с ясной головой. Этот королевский икс как красота, а она дается очень нелегко и не всем. Это то, что не может осознать молодёжь и испытать дряхлая старость. Это любовь. У вас ее не было...

– Булз-ай, в точку. Одно добавлю, что не искать ее нужно, а ждать... Как я это понял? Расскажу при следующей встрече. Пойду вверх. Спина, хондроз и все такое. Ты бы убрал посуду, Лука, а то жена приедет, опять выговор с занесением рук в небо устроит. – И уже сверху донеслось едва различимо: – Дождался, блин...

На небе появилась багряная полоса, но и ее заволокло. Вся посуда вошла в мойку. Торчали только деревянный черпак и червленые щипцы для мяса-гриль. Кран поплюхал-почихал и дал полную струю. Помню, что я смотрел на журчащую струйку и вслушивался в резко усилившийся ветер. Громыкнула сотня огромных небесных тазов. Всполохов огненной птицы не помню, я уже бежал. Потоки смывают остатки пищи.

Вода и ветер смывают все и все сметут, стоит им только договориться.

Пошел дождь...

Разговор с поэтом

Денис Липатов

С поэтом Денисом Липатовым мы познакомились в 2014 году на фестивале поэзии Поволжья в Тольятти. За этим пришла активная переписка и заочное общение. Тем не менее, всегда хотелось поговорить о жизни и литературе. И вот наконец в январе 2018 года это удалось. Перед вами беседа с поэтом.

Сергей Сумин

– Денис, приветствую, мой первый вопрос, как все это началось? Откуда пришли стихи?

– Началось всё в детстве. Какого-то особого момента не вспомню. Может быть, их было несколько. Ну вот, скажем, лет в семь или восемь увидел у старшей сестры тетрадь (большую, в 96 листов), всю заполненную стихами, ну это были не её стихи, а просто она туда выписывала те, что ей нравились, любимые. Не помню, какие именно и чьи стихи там были, но вот мне почему-то захотелось завести себе такую же, причем не просто завести, а чтоб у меня сразу была уже вся исписанная стихами, а терпения заполнять её в течение какого-то длительного времени: искать стихи в книжках, переписывать их, выбирать – то есть я понимал, что это слишком долго – терпения такого не было. Своя тетрадь со стихами была нужна сразу, здесь и сейчас. Видимо, вопрос о качестве этих стихов был не особо важен для меня тогда. Поэтому решение было очевидным: не переписать, а написать самому. Что-то я уже, конечно, читал или слышал, примерно представлял, что такое стихи, какие они и о чём бывают: о природе, о дружбе, о временах года, о Вещем Олеге, о Бородине и дяде, о войне, о любви, о Гагарине, о мгле и буре, о зимней дороге, об осени. А бывают ещё длинные-предлинные стихи: поэмы. В общем, за два-три вечера я справился: вся тетрадь, все 96 листов, была заполнена моими собственными стихами. В каком-то документальном фильме о Пушкине, который я видел незадолго до того, показывали его черновики: все они были в помарках и исправлениях,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

многие слова зачёркнуты, а поверх вписаны другие, на каких-то листах целые пятна чернил. Я учёл и это: специально многое перечеркал, изобразил в общем кропотливый и нелёгкий труд поэта. Помню, даже специально разрезал лезвием стержень шариковой авторучки, чтобы наставить клякс на некоторых страницах. Словом, всё начиналось, как игра. А потом, почему-то не получилось остановиться: началась нормальная детская графомания, за первой тетрадью последовали вторая, третья и даже четвёртая, и пусть они и не так быстро заполнялись, но тоже не слишком много времени на это уходило. Годам к 10 я уже чувствовал себя вполне сложившимся и даже маститым поэтом, посматривал на одноклассников свысока, и, зная, что для поэта прилично умереть пораньше, чтобы все его любили и читали, прикидывал, во сколько умереть мне. До 37 лет, как Пушкину, мне казалось ждать слишком долго (ведь хотелось, чтобы меня прочли и узнали поскорее), а вот лермонтовские 27 смотрелись оптимально. Вот такая весёленькая игра.

– В твоих стихах много иронии и самоиронии! Как сложилась твоя творческая манера? Кто повлиял? Любимые поэты?

– Ирония, тем более самоирония – всегда некие защитные механизмы. Ведь подсознательно ты понимаешь, что сочинять стихи, для взрослого и серьёзного человека занятие довольно смешное и несолидное. Даже Незнайка посмеялся над поэтом: «Хи-хи, хи-хи – Цветик пишет стихи». Когда впервые предложили прочесть что-то своё на публику, в школе, (и как они узнали, до сих пор не могу понять!) кажется, на каком-то внеклассном часе, я помню, почувствовал себя ужасно неловко, просто дураком. Слава богу, нашёлся ещё один мальчик, который сказал после того, как я закончил: «А я тоже могу!» или «А у меня лучше получается!» и стал читать свои. В общем, появился некий соревновательный момент, неловкость ситуации была этим сглажена: одноклассникам уже было интересно не поднять насмех, не поиздеваться, а решить, кто же действительно лучше, у них вместо злости появился азарт, потому что после него опять стали просить читать меня, потом снова он. В общем, всё опять превратилось в игру, чем это занятие, на мой взгляд, в принципе и является. Не помню, кто тогда выиграл, да это и неважно. Да и правду сказать, смешон поэт, который всерьёз полагает, что он может сообщить совре-

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

менникам что-то такое важное, без чего они жить не смогут. Что он чем-то лучше их. Ничем. У каждого свой опыт, своя уникальная и единственная жизнь, и никто не обязан тратить её на чтение того, что ты называешь своими стихами. Стихи всё-таки личное дело каждого: твой способ, то есть доступный тебе, способ бытования, даже адаптации в окружающем мире. Может быть, это даже, в некотором смысле, какая-то ненормальность. Отсюда и ирония и самоирония. Отсюда, наверное, и манера. А по поводу влияний: ну вот, кстати, тот мой давний соперник по импровизированному школьному слэму повлиял: я тогда был поражён его смелостью и внутренне очень благодарен ему, что он вызвался «разделить позор» и перевёл всё это в другой регистр. Был удивлён его совсем другим отношением к этому делу: весёлым и азартным, без позы, «без вставания на табуретку», без излишней и неестественной для детей серьёзности. Это был хороший урок. Он, кстати, оказался или умнее или счастливее меня и вскоре, повзрослев, перестал этой ерундой заниматься. Любимых поэтов много, в разное время это, разумеется, были разные авторы. Не буду называть имена: список получится довольно предсказуемый. Скажу только, что первое стихотворение, которое я выучил наизусть, с голоса (отец читал, а я повторял) ещё даже не умея читать, было «Бородино» Лермонтова.

– Как ты пишешь? Циклами, урывками, медленно или быстро? Как понимаешь, что текст готов?

– Всегда по-разному. Бывает, что сразу несколько стихотворений напишется, и довольно быстро. Бывает, что неделю-другую, один текст вертится в мозгу, складывается по строчке в день. А потом он вдруг сам тебе скажет: всё, Денис, ты мне надоел, я готов, отстань. Так понимаешь, что текст готов.

– Как влияет на тебя место проживания? Что такое Нижний Новгород? Как здесь тебе пишется?

– Даже не знаю. Наверное, влияет. Есть у меня стихи, которые я для себя называю «нижегородскими текстами». Но, честно скажу, не думаю, что это влияние сколь-нибудь значительно. Влияют люди, прочитанные книги, общение с другими поэтами. В этом смысле Нижний Новгород для меня это, прежде всего, те люди,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

которыми я здесь окружён в силу образа жизни, занятий и личных предпочтений. Есть мнение, что для поэта вообще полезен опыт смены места проживания, даже в некотором смысле опыт эмиграции, потому что тогда в его распоряжении больше впечатлений, культурного опыта, даже просто он слышит разный русский язык. Вероятно, имеет значение не столько локация, сколько частота, с которой она изменяется. Если есть такая возможность, это прекрасно. Словом пишется здесь нормально, но сложились обстоятельства так, что пришлось бы покинуть родной город, не думаю, что это было бы серьёзной травмой.

– Расскажи о литературной жизни своего города. Какие журналы, тусовки, мероприятия тебе здесь интересны?

– Существует журнал «Нижний Новгород», альманахи «Земляки», «Нижегородцы», движением «Нижегородская волна» издаётся «поэтическая антигазета «Метромост». Для нижегородцев, наверное, странным будет увидеть названия этих изданий в одном ряду, потому что авторы первых трёх и «Метромоста» практически не пересекаются и «в гости» друг к другу не ходят (т.е. авторов «Метромоста» не встретишь в «Нижнем Новгороде» и наоборот). Ну, то есть, условно говоря: «Нижний Новгород» и «Земляки» – это «традиция», «Нижегородская волна» и «Метромост» – «молодёжный авангард». И те и другие почти не замечают друг друга. Т.е. литературная жизнь у всех своя, и, как говорил Кролик Винни-Пуху, «я бывают разные». Не берусь судить хорошо это или плохо, но ситуация на данный момент такая, и я не замечал, чтобы кто-то из заинтересованных участников «литературной жизни» города испытывал по этому поводу дискомфорт. Из заметных мероприятий сейчас существует фестиваль «Стрелка» Евгения Прощина, но формат его в последние года три сильно изменился, и это уже не такое масштабное мероприятие, как раньше (и по количеству авторов и по широте охвата и разнообразию поэтических практик). В прошлом, 2017 году, в марте, впервые прошёл «Литературный фестиваль имени Горького», организованный Дмитрием Бирманом. Фестиваль был заявлен как международный, и это, действительно, стало заметным событием в жизни города. Была организована целая серия авторских встреч, семинаров, лекций и не только по литературному мастерству, но и по издательскому делу, например. В наступившем 2018 году,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

насколько мне известно, проведение фестиваля вновь запланировано.

– Мы в Тольятти проводим фестиваль поэзии Поволжья. Как ты вообще считаешь – Поволжье как поэтическое явление, как единство существует? Насколько оно реально или мифично?

– Думаю, что как о едином поэтическое пространстве или явлении, о Поволжье говорить не приходится. Нет такого явления. И не считаю, что это плохо. Думаю, что это даже хорошо: всё-таки поэты и поэтические практики и в Саратове, и в Нижнем Новгороде, и в Казани, и в Тольятти, и в Самаре очень разные и это лучше, чем, если бы они были одинаковы. И ваш фестиваль поэзии Поволжья тем и хорош, что он эти различия представляет на одной площадке, не суммирует их, не сводит к какому-то общему знаменателю, а именно представляет: смотрите, какие все разные и интересные.

– Каково сейчас поле современной русской поэзии? Многообразно – это очевидно, но насколько оно тебе интересно? Что бы ты выделил как основное за последние 17 лет нового века?

– О, это вопрос даже не для одной, а для целой серии статей. Действительно поле современной русской поэзии очень многообразно. Что-то выделить как основное очень сложно. Ну, самое главное, наверное – некоторая, даже не смена поколений, а их умножение и смешение. Если ещё недавно было принято у критиков писать, например, о «поэзии 30-летних», «поэзии 40-летних» и находить какие-то особенности поэтики именно исходя из возрастного критерия авторов, разделять их по этому признаку, то сейчас, мне кажется, это делать сложнее и, может быть, даже не целесообразно. Не думаю, что попытка выявить какие-то яркие особенности поэтики или тематики у авторов разных возрастных групп сейчас будет успешной, а такой способ отражения происходящего – адекватным. Вот проект Марины Волковой и Виталия Кальпиди анонимной поэтической антологии «Русская поэтическая речь» – он и об этом тоже, на мой взгляд. Читая антологию, угадать или предположить возраст авторов почти не-

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

возможно, а вот их региональную принадлежность, с большей вероятностью успеха – вполне. Может быть это «поле современной русской поэзии» и надо «сканировать» сейчас по географическому признаку? Недаром ведь в ходу такие выражения как, например, «Уральская поэтическая школа», «Ташкентская поэтическая школа», «столичные поэты», «ленинградские поэты», вот и ты спрашиваешь о поэзии Поволжья, как о явлении. Выражения «вологодская школа» не встречал, но не удивился бы, если бы встретил. Ну и конечно значительное явление, даже не явление, а новый фактор последних 17 лет, который невозможно игнорировать – выход поэзии в виртуальное пространство, доступность общения и прочтения. Сегодня, например, Александр Кабанов пишет стихотворение, и сегодня же ты его читаешь, может быть и десяти минут ещё не прошло, как поэт его написал, а читатель уже его читает. Это уже стало привычным, но на самом деле, если задуматься, это невероятно. Ты можешь наблюдать, как складывается книга, как она пишется.

– Ну а вообще писание в столбик, поэзия, как долго, по-твоему, просуществует? Что ожидает ее лет через 20, в эпоху роботов, виртуальных пространств, голограмм и айпфаков?

– Думаю, ничто поэзии не угрожает и просуществует она столько, сколько сама захочет – даже в эпоху роботов, и голограмм, и айпфаков.

– Последний вопрос традиционный – твои пожелания альманаху «Графит»?

– Пожелание одно: не исчезать и развиваться. Было бы здорово увидеть «Графит» в Журнальном зале.

Денис Липатов

***

Это всё литература,
это всё роман с ключом,
есть игра – замри фигура,
не волнуйся ни о чём.

Может, рядом море плещет,
или дождик за окном,
или девушка щебечет –
не тревожься ни о ком.

Пусть пройдёт ещё минута,
пробежит за часом день,
будь ты Пётр или Иуда –
ты и сам мелькнёшь как тень.

Потому замри, не прыгай,
хохоча или ворча,
а не то водящий с книгой
не найдёт к тебе ключа.

***

Сидит дурак на солнышке,
бормочет: «Бу-бу-бу...»
клокочет что-то в горлышке,
да булькает в зобу.

Так радостно и счастливо –
весёленький денёк!
народ глядит опасливо:
«Чё лыбишься, пенёк?»

Да ну вас! В самом деле –
такие дураки!
Здесь солнце и качели,
стрекозы и жуки!

А вы с глазами палтуса
спешите по делам.
Да я вам – даже с кактуса
иглочки не дам.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

***

Он видит эр делённое на дэ,
а надо бы – «российские дороги»,
транзитный поезд из Улан-Удэ,
с плацкарты свешивая ноги
причаливает. Смотрит проводник,
осоловевший от дежурных суток –
как Будда он из хаоса возник,
как будто – из дорожных прибауток,
из вони «дошираков» и хамсы,
из «пагод» простыней у туалета,
из дембелей, «попутавших рамсы»,
из ругани – а кто здесь без билета? –
из санитарных зон с закрытым нужником,
надёжней Северной Кореи –
он в щёлки глаз затурканным божком
глядит, с недоосыпа дуря.
Читает: «Управление р/д»
и на себя досадует и злится –
зачем ему – улану из Удэ –
за этим ребусом тащиться!..

***

Откроем форточку и слышим:
кошачий лай, собачий визг –
мы, представляешь, этим дышим,
а вот проехал грузовик –

протарахтел пустой коробкой,
спеша в гараж или на склад;
вот пешеход походкой робкой –
он припозднился и ослаб

душою, телом, головою;
глаза слезятся, темь вокруг
и от кошачьего разбоя
в душе – возня, в ногах – испуг.

Ты это помнишь, слышишь, знаешь:
ты тоже будешь тот старик,
и жадно с воздухом глотаешь
ночные страхи, шорох, крик.

Гнилорыбов

Будь Сумароков-Сумраков-Сушков,
или товарищ, скажем, Гнилорыбов –
не сочиняй ни песен, ни стихов,
а лучше гаркни зычно: рыба!
Недурно в летний вечерок
смешать базар, затеять свару –
от игроков идёт парок,
забить козла – и к самовару.
Недурно, с чая разомлев,
в вечерней нежиться прохладе,
или сухарик лишний съев,
увязнуть в сонном мармеладе.
Привидится вдруг чёрт-те что:
какое-то зарёванное детство,

когда ещё бог знает кто
тебя растил, да на какие средства?
Какая-то бездетная родня,
внучатые племянники да тётки,
то дедушки, медалями звеня,
а папа вечно на работе.
Бывало тоже, сядут вечерком –
забьют козла, накатят водки,
да после дряблым тенорком
затянут про усталые подлодки.
Потом к тебе чего-то пристают:
да кем ты вырастешь, да что же будет...
Ой, лучше пусть они поют –
Господь простит, а люди – не осудят.
Уж точно буду – не как вы:
окончу школу на пятёрки,
чтоб за кило общественной халвы
не прозябать в заводе да в каптёрке.
А оказалось – ты до потрошков
они и есть! Растить себе на выбор:
будь Сумароков, Сумраков, Сушков
или товарищ, даже, Гнилорыбов.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

***

Вот самовольное сиротство,
оно ничьих не ищет уз,
милей родства ему уродство,
во лбу горит бубновый туз.

Гуляет с девушкой такое
или меж юношей сидит –
ему и небо голубое
о чём-то низком говорит.

Или проснётся среди ночи,
садится с головой в руках,
что твой покойный тамагочи,
кончину лютую приях,

а всё чего-то фанфоронит,
всё ходит по цепи кругом
глядишь – и век свой проворонит,
а всё емелит языком.

***

Заполошная какая-то птичка
запела ещё в феврале.
Всё это, знаешь, водичка,
протухшее крем-брюле.

На самом-то деле всё проще:
так пишут славянский «Покой»,
а рядом бесёнок тощий
всё вертится под рукой:

смотри, это всё фантомы,
наплюй на них да разотри –
полезут из них саркомы,
созреют на них волдыри.

А сам ты, скажи – реален?
В глаза себе посмотри.
Так к Павлу приходит Пален
и говорит: умри.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

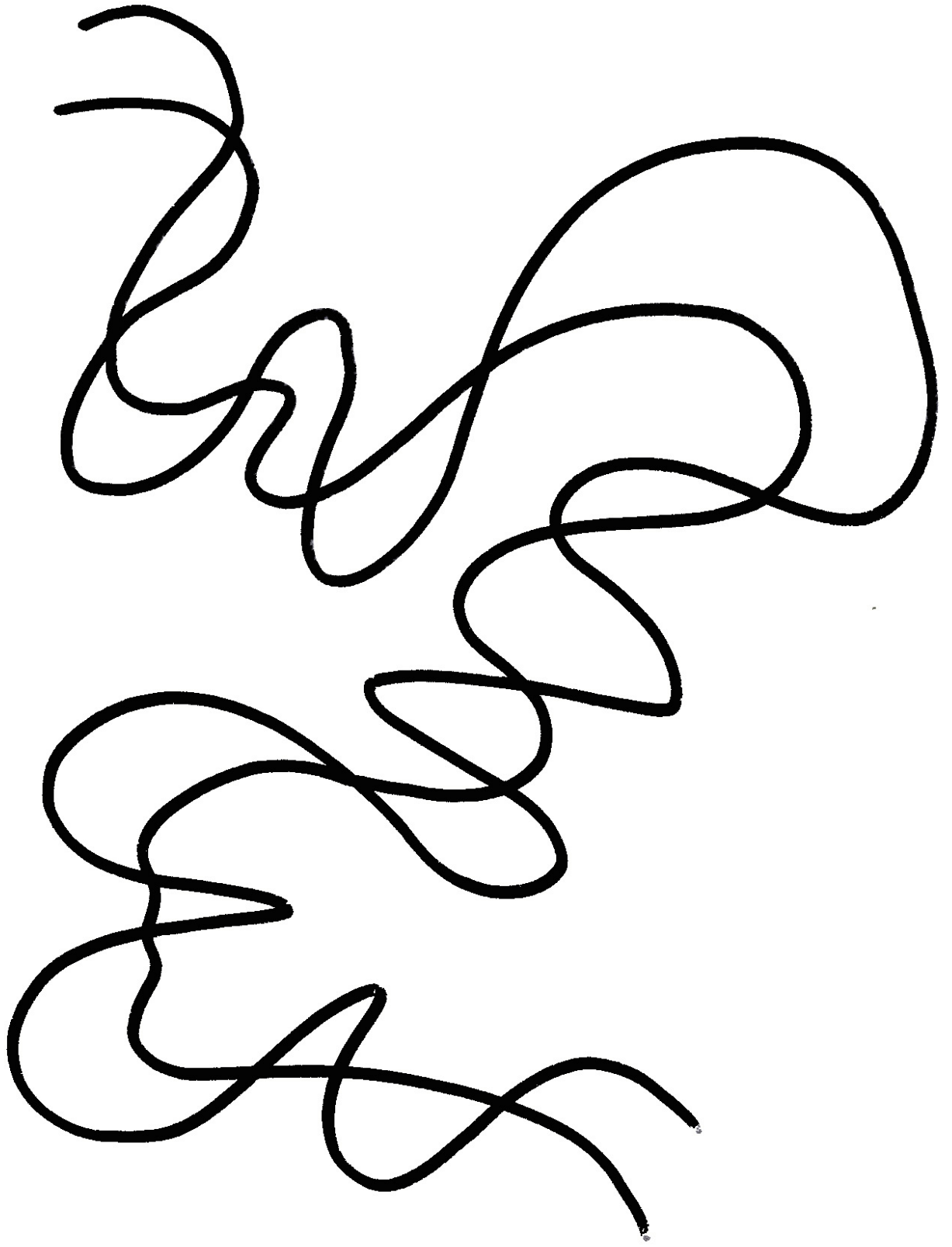
***

Хотел бы сказать пару слов.
Ну что же, попросим, попросим.
«Не надо ни слов, ни ослов!
Мы этого не выносим!»

Да ты, брат, у нас психолог –
такую толкнул нам речугу:
монгол говорит монолог –
славяне потеют с испугу.

«Да чёрт вас поди разбери –
монголы, славяне, татары!
Набить табаком газыри,
податься, как Пушкин, в гусары».

«Погибнуть, как Петя Ростов,
в толстенной такой эпоее,
побыть персонажем без слов –
уж точно не будешь глупее».

Андрей Дмитриев

* * *

Журнал «А»,
журнал «Б»,
издательство «В»,
издательство «Г»,
а ты — сидишь на трубе,
по-прежнему — на трубе:
видишь: как в старом грузовике
трясётся картофель —
чёрный от горькой земли,
что роднит её с кофе,
который к нам завезли
из какой-то потусторонней жизни.
Осень — сгущает тона,
доводя до коллапса палитру в режиме
pop-stop. С этой трубы видна
территория отчуждения,
где завяли не только растения.
И вот — «А» упало,
«Б» пропало,
«В» сменило инициалы,
«Г» в таблице стало металлом,
а ты — на трубе,
по-прежнему — на трубе,
хотя в загадке тебе
не выплыть ни явным ответом,
ни даже утлым корветом...

Будешь варить картофель,
пить растворимый кофе
из банки с выцветшей этикеткой,
где написано, что сделано это
в Московской или вообще в Тамбовской области,
а не в потусторонней жизни.
Будешь вращать лопасти
при помощи нехитрого механизма
и пускать из трубы дымок,
бегущий прочь со всех ног.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

В том и отгадка,
в том и итог —
останется только то,
что не в смысле физики шатко...

* * *

Птицей зябликом
нырнуть под одеяло.
Сегодня вряд ли
разверзнутся дали
с октябрьским мороком —
в них не то, чтоб крылом,
а даже нескорой
рукой в перчатке герой
не нащупает сводов.
Чай проникает в предсердье.
На той стороне света — штат Миннесота
и штат Кентукки, Ривьера
Майя, Антильские острова,
на той стороне жизни — лица —
знакомые и едва,
пусть угасшие, но способные повториться
во сне или в мыслях.
А ты — просто зяблик,
пичуга, живущая в компромиссе
с данностью. Был бы цаплей —
ходил бы в брод,
был бы коршуном —
хватал бы добычу влёт,
был бы кенаром — за шторой в горошек
тешил бы чей-то слух.
Но — ничего не попишешь
пёрышком, остался лишь пух
и прах — элегиям в пищу.

Комната, потолок,
полки и книги,
окно, за которым клочок
города, вырванный будто на ринге,
где драка без правил,

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

и кровь – солирует чувству вкуса,
которому нынче по нраву
сок первобытного ужаса...
Зяблик – нырнул
под одеяло.
Дождь – по стеклу,
похолодало.
Принцип гнезда –
взят за основу
этого серого дня,
а ночь – вновь достанется совам.
Они-то знают,
что в обжитой темноте –
самое главное знание –
кто ты теперь и где...

* * *

Не мастер заводить
полезные знакомства,
не мастер из сети
выуживать те кости,
что склеишь – диплодок,
а то – свирепый раптор,
не мастер пить желток,
как птичью предоплату...

Сидишь на берегу –
вновь ужасы роятся
над трупами в стогу,
вновь звери из фаянса
спешат в понятный быт
по пыльному комоду,
а ты под пенье рыб
цветы бросаешь в воду,
и крутит в голове
сухие ветви ветер –
сквозь них уже тебе
ничьё окно не светит,

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

но на мякине слов
опять себя проводишь,
махнув, мол, это сон,
а это жизнь всего лишь...

Всего лишь – маята
беспутного вокзала,
всего лишь – своды рта,
где живопись – наскальна,
всего лишь – тёмный дом,
где вещи – знают угол,
но при тебе о том
не говорят друг другу.

За рамою окна,
за пеленой экрана –
бегущая строка
настырна и упряма,
хоть движется пока
однообразно, прямо,
не охватив всю ту
конструкцию пространства,
где смотришь на звезду,
а видишь возглас счастья...

* * *

Лошадь в соломенной шляпе,
возница – старик-водовоз,
и солнце такое жаркое – будто в Анапе,
и звон прибрежных стрекоз.
В бочке – плеск, под ободом – шорох.
Ребятня – как запятые и точки –
расставленные невпопад – не как учат в школе –
но кто сейчас вникнуть в правила хочет,
когда в листве – такой хаос жизни,
что вот-вот возникнет вселенная.
Знали б о том фашисты,
уже загружающие железо
в чрево своих самолётов,
чтобы порвать это всё на корню...

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Лето – утлая лодка.
Подставишь плечо комарью –
почуешь ещё не боль, и даже ещё не зуд.
Боль – будет позже,
когда полыхнёт мазут –
предрассветный обжиг
на разбомбленном складе
под вопли рабочих –
и оплавит страницы тетради,
где все эти запятые и точки
станут горстью пепла...
Лошадь встала, остановилось и колесо.
«Ну, давай, милая, неужто ослепла –
вон за пригорком уже село».

* * *

Дуй в золотой рожок,
пока золото – не медь.
Жизнь от века – всегда на рожон,
не то, что – смерть.
Да и та – не тишь-благодать –
по острой косе – босою пятой,
но кровь – не вода –
останется за тобой...

Крути-крути колесо –
завершай собой круг,
пока есть радиус, и весом
труд вращающих рук
и ног. В кронах – ворохи птиц
ещё способны взлететь,
уронив меж страниц
перо, исписанное на треть,
а, может, наполовину,
а, может, на...
В серой больнице что-нибудь вынут,
взамен насыплют зерна
или сена,
но ты уже – не мустанг.
В дождь в больнице всё больше серого.
Вероятно, ты просто устал.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Но дуй в золотой рожок,
пока есть дыхание.
То, что вдох бережёт –
ещё шевелит плавниками
и смотрит через стекло,
пережёвывая планктон.
Над ним – моря несколько тонн,
под ним – грунт древних материков,
а оно ещё – наплаву,
в самой толще – глядит и ждёт,
когда нитка по шву
лопнет, и ткань падёт...

Фосфор – к фосфору.
Не золото – фосфат меди.
– Освальд!
– Кеннеди?!

* * *

Люблю бродить по свету,
а свет по мне, пожалуй, не всегда –
к тому же часто он бывает серым,
бывает тусклым в мутной призме льда,
бывает неприветливым, не близким,
но, впрочем, это всё от слепоты,
ведь свет – он свет, а не палёный виски
по акции приобретённый. Свет звезды –
манящ, свет спички – скоротечен,
свет глаз – глубок, свет фар – целенаправлен, мы
идём всю жизнь, как будто бы навстречу
друг другу, но в провалах тьмы
теряем тропы. В кайф – бродить по свету,
и, даже если он во мне погряз,
прощу ему нерасторопность эту –
я сам в нём пропадаю, увы, не раз...

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

---

* * *

Здравствуй, Нобель,
я – Врубель.
Демон – в жаркой утробе
раздувающий угли –
сел на корточки рядом –
смотрит в самую душу.
Он – желает награду:
номинируйте, ну же.
Холст – как старая карта
рудников потаённых –
обрекает на кару,
что пророчат знамёна
и железные крылья.
Нобель, Нобель,
я – Врубель, быль – я.
В окнах – пустыня Гоби.
Премию тратит пространство
на широту и выси.
Демон – на фоне красном
лик свой из пепла выстлал.

Здравствуй, Врубель,
я – Нобель,
динамитом загублен
тоннель, впрочем, мы оба –
знаем, что выход – внутри.
Номинации – тщетны,
но демон твой – посмотри –
к нам заходит с планшета
по вай-фаю и пишет комменты,
мол, засилье плохих репродукций,
и дорогие билеты
на выставку – самую кущую.
Врубель, Врубель,
я – Нобель,
мне валюта – не рубль,
но в застиранной робе

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

кочегар с парохода на Волге
бросил в топку и свой уголёк,
чтобы путь этот долгий –
был широк...

Демон смотрит с холста –
он и Нобель, и Врубель,
он – рубильник, врубающий страх
перед миром, сколоченным грубо
на задворках вселенной,
он – кабель, он – кобальт,
он – набат над долиной оседлой,
где собаку с ножа мясом кормят.
Запекаются краски,
выпекаются деньги,
а на фоне – по-прежнему красном –
смотрит в душу к нам демон.

Артем Родькин

Прерывания

*«Цвета преследуют меня. Они даже беспокоят
меня во сне».*
Клод Моне

Каменный ангел укутанный мхом
Смотрит на нас... Просыпаюсь рывком,
В горле рождается горький комок.
Солнце в глаза.

Шторы задёрнуть (внутри головы).
Утро такое, что хочется выть
Или, себя не жалея, навзрыд
Губы кусать.

Из сновидения тихо звучит
Нежное слово. Как редкая дичь,
Я не найдусь и теряю ключи
К жизни своей.

Сложно вернуться в течение сна,
Не изменившись. Считаю до ста.
Я — этот камень, глядящий на нас
Между ветвей.

Лишь, не мигая, смотрю в тишине:
Я неподвижен, я скован, я нем.
Пара танцует, забыв обо мне.
Будто в кино.

Пара танцует, купаясь в огнях,
В отблесках этого странного дня.
Каменный я не умеет обнять —
Мне не дано.

Ночной звонок

В той же самой стране,
но на разных кроватях —
рядовой инцидент
несовпада симпатий.

Тот же тёмный прибор
океански настойчив:
«Депрессуй, долбо**,
до полночи, до ночи».

Умирает вино,
хоть бокал не пригублен.
Надо сесть за фоно,
наиграть себе буги.

Восемь звуков за такт —
веселеть на пределе.
Невпопад, наугад
развеваться как лента.

Наступая на дых
набегающей песне,
засмеяться «хи-хи».
Взгромождая нелепость

полуночных гудков
на предмет разговора.
Равнодушный кивок —
никому, без укора.

В никуда напрямик,
по своей (мизан)тропке —
рядовой Арлекин
на правах катастрофы

оставляет в тылу
только груды развалин:
«Никогда, никому,
и не я, и не с вами».

Неоконченная история

Вентилятор режет спёртый воздух
непонятно кем и для кого.
Детектив подверженный психозу
пьёт вискарь и дёргает ногой.

Вечный плащ, наброшенный на спинку,
вечно мят. Контора заперта.
На вконец замызганной машинке
пару слов настукать до утра

— как финал избитой до абсурда
драмы на десяток человек.
Девять из — отъехавшая труппа,
плюс один — играющий за всех.

«Если вдруг актёры не выходят,
трагик сам поклоны на партер
отбивает... В меченой колоде
королей выносят без потерь».

— в тишине непрошенные мысли
возникают швалью в рукаве.
Тишина напросится на выстрел
до краёв заполнив Логан-Сквер.

Там снаружи бродит утончённый
драматург, искусник красных пьес.
Детектив, играя в отрешённость,
ждёт когда алмазный стеклорез

впустит отзвук спящего Чикаго
и подвижный сгусток темноты.
Ждёт когда неосторожным шагом
тьнь раскроет имя и мотив.

Стансы

Засыпай, дорогой мой снег,
не учусь: мне не к первой, но паре.
В единичном живом экземпляре
я паломник для множества Мекк.

Уходи, мой родной городок,
за дороги, за шпалы, за реки:
путь качает, как мирное регги.
Для кого я и хаос и док?

Как же выйти за грани 3D,
если время стоит как обычно?
Нет исхода, когда гармоничность
не напомнит тебе о тебе.

Если небо есть кладбище звёзд,
значит все обитают в отрезке
где от смерти до смерти без треска
путь рассчитан, проложен, разверст.

В белый день не найти маяка,
в тёмный — в море никто не выходит.
Чей-то парус заметен навроде,
но ему не поймать ветерка.

Я такой же, как тот капитан:
после шторма подохну при штиле.
Обелиск прочно к небу пришпилен:
время с грустью стучать в барабан.

ЗОЖ

"Жизнь — это то, что болит".

Тимур Алдошин

Если чувствуешь боль, значит точно живёшь...
Сам себя превращая в знакомый падеж
«отстрадательный». Плюс — сокращение «ЗОЖ»
означает не случай, где весел и пеш
я иду беззаботно (как по беговой)
по неторной тропинке заезженных дней,
а известный набор необузданных слов
«одинокая жизнь» (это, знаете, тренд!).
«За*бала» — достаточно модный глагол,
чтобы как-то разбавить, понять, оправдать.
Эта троечка в сумме — хороший предлог
для «нежизни» / для «вместе» / для взятия в штат
корпорации «ЭтоКонечноПройдёт»...
Всё сбывается, даже — сбывается смерть.
Даже счастье сбывается — наоборот,
от обратного хода, как ход теорем.

Oblivion

Ты легко меня забудешь, ты не вспомнишь обо мне —
рвётся узел наших судеб в гулкой звёздной тишине...
Ты легко предашь забвенью всё, что связано со мной.
В тусклом свете наши тени не становятся одной.

Да, становимся чужими, только были ли «свои»?
Мы — кино в старинном стиле, это значит — не зови
никого: на чёрно-белом фоне проще рассмотреть
цвет трагедии. Несмело время движется: на треть

годы пройдены, а значит всё, конечно, впереди
(этот вывод так заманчив, но неверен). Наш мотив
затихает, удаляясь. Недописанная жизнь
длится, только исчезает, что внутри меня дрожит,

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

только длинные секунды всё проходят рядом, нас
не задев. Себя абсурдно ощущать живым. На глаз
я прикину расстоянья до звезды и промолчу,
потому что, прибавляя к ним длину разбитых чувств,

получаем то, что нынче от меня и до тебя
не добраться: без кавычек — это Вечность. И, дробя
тишину на части звуком неуверенных шагов,
мы расходимся. Разлука начинается. Легко

отдаляться, но труднее — не оглядываться. Сталь
я в глазах, нет, не сумею удержать: теперь настал
тот момент, когда не нужно, а точнее — ни к чему
закрывать себя: игрушка продаётся — подчеркну.

Мария Бронская

***

А секрет спокойной жизни, по сути, прост:
Не будь дураком и держи по ветру нос,
Не заводи врагов, разделяй с друзьями мясо и мёд
И никогда не открывай дверь с надписью "Не влезай – убьёт".

Вроде бы всё понятно, чего уж тут не понять.
Но всегда найдутся такие, которым мало есть, что терять.
Кого манит магнитом и ночами спать не даёт
Дверь с костями и черепом, с надписью "Не влезай – убьёт".

Глупо гибнуть зазря, не нажив ни денег, ни почестей, ни имён.
Мы уж как-нибудь потихонечку, день за днём.
Только смотрят на землю пронзительно, сжигая лёд,
Звёзды, глазами открывших дверь с надписью:
"Не влезай – убьёт".

***

Оставь меня в молчании моём.
В нём забытья блаженные мгновенья.
Оно даёт душе отдохновенье,
как в знойный день – прохладный водоём.

Стремясь заполнить смыслом пустоту,
Мы суете находим оправданье.
Мы скачем от задания к заданию
и думаем, что двигаем мечту.

Но на ветру колеблется свеча,
и зыбко наших судеб коромысло.
И в жизни нет ни логики, ни смысла,
а лишь неуловимое "сейчас".

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

***

Если я когда-либо еще полюблю,
Если в сердце осталась способность на это,
Я не буду сто тысяч менять по рублю
И не буду оправдывать тьму перед светом.

Я не стану разбрасывать бисер в хлеву
И желать невозможного тоже не буду.
Наслаждаться и радоваться, что живу,
Каждый день, каждый миг – и не требовать чуда.

Знать, что я – это я, знать, что ты – это ты,
И свобода – естественное состоянье.
Лучше стоять дома, чем калечить мосты.
Мир душевный важней мимолетных желаний.

Я закину в чулан свой зазубренный меч,
Вытру пыль, погуляю и ужин согрею.
Буду свитер вязать в ожидании встреч.

Всё прекрасно, но я так любить не умею!

Василий Сушко

грусть 1го мира

как в шаурме
начинку тонким лавашом
жизнь оборачивает время
мутной пеленой
но где-то на периферии
мысленного зрения
в обломках детства
навечно застывшая
реминисценция:

открытые двери волжских нив
где мы брали то что по праву
было необходимо
и убегая вдаль
с соком жизни в жилах
струясь к рассвету
медленно раскрывающемся
цветком навстречу вершине
пригорка
на крышу
самой высокой кабинки
чертового колеса
гиперболизируя
современность
идеализируя
случайность
на все вопросы отвечая
вопросительным знаком
в пустоте
громд шестидесятых
в широте
проницаемой сознанием
до урала
догорев до фильтра

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

успокоившись
пока очередная
божья или
энтропийная
зажигалка
не подарит второе дыхание
очередного
возгорания

или это была
покоренная телебашня
или скорчившийся кран
на невзросшей высоте
езде где существовало
отверженное место –
весь мир как бесконечная
дырка в заборе –
езде где могли
найти себе плоскость
сидели
и пели
оду
свободе

отсюда
сингулярностью
мысль
и взрывалась
отсюда
расширялось
главное
местоимение
отсюда
спустившись
надев
белый верх
черный низ
был навеки утрачен
танцующий сириус

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

---

* * *

застывшая жизнь

наше болото
самое лучшее болото
со времен куликовской битвы
каждый день есть чем гордиться
кулик I
кулик II
кулик IV

наше болото
самое красивое болото
здесь растет расторопша
фиалки
папоротник
кожецвет
кипарис

наше болото
самое большое болото
на дне его можно найти
танки
комбайны
и космические корабли
их болото – не наше болото
они не такие как мы
они красные
желтые
черные

мы – розовощекие
и скачут под рифму все наши стихи
мы умрем за наше болото

они – не мы
они будут жить долго
но их болото осушено
и там давно проложена
дорога

они будут жить долго
но
без души

***

уроборос

страной правят те
кого на церцисах
ждут петли
в тусклой ночи
объятой выхлопами газов
пльвя
относительно мира
в доме-корабле
в тумане
отравы
промышленной дряни
пребывая
в покое
комнаты
в беспокойстве
относительно ночи
я не могу уснуть
гоняя мысли по кругу
решая дилеммы
потенциально
вершащие ход истории
все в конечном счете
приходит к абсурду
последующая
мысль ест предыдущую
как уроборос
и неважно
что у тех кто хочет
жить по совести
есть только два выхода
выход из этой игры
в другую
или выход совсем
с предварительной агонией
любая революция
будет остановлена
упавшими на головы

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

коробками с айфонами
которые через год
выкинут на помойку
как и модную ныне смелость
почему бы сразу
не подключить
к нефтепроводу
ваши рты и кишки
почему бы сразу
при рождении
не надевать на детей
виртуальные очки
почему бы не уснуть
как те мамонты
которым приснилось
торжество криогеники
и они пошли
в сибирь
в вечную мерзлоту
взмерзать
в когда-нибудь
до XXIII-его
века

***

птица

птица с длинным
красивым
хвостом
села на дерево
за окном
это было
изуродованное
пилой
– срезавшей
иссохшее –
дерево

(дерево
пробиванием
кущих

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

ростков
пребывавшее
в стадии
пост-
травматического
вос-
становления)

если бы оно было
кроной полно
и на фоне воздуха
пейзажно-зелено
никогда
бы не увидел я
красоты-длины
хвоста
птицы
безымянной
осенней

так и ты
когда уйдешь в никуда
только тогда
замечу
после тебя
красоту
той
за тобой
следующей

красоту
того
мира
тобой
заслоненного

красоту
бытия
большого
и
небытия
огромного

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

***

между зимой и зимой

всевидящий на шоссе
он регулятор движения
его глаза завязаны
твой страх –
в звуке асфальта
я дразню удачу наудачу

спешу обнять
своей душой другие
с каждой секундой
тающие
под опровержением науки
опровергнем ли мы когда-нибудь
сами себя?
спокойствие
все когда-нибудь пройдет
и луна вернется

мы увлеченно
кидаем кости обмана
кто достанет до наших ушей?

удивление дарю ничему
собственная тень
улыбается мне
показывая дорогу
до горизонта
до иерусалима
до твоей постели
когда все уйдет
останется мята листов
огонь писем
пепел адресов
реликвия
антиквариат
археология
останется
что-то

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

***

КОПИЯ

тебе свойственно

прятать глубину зала
светлыми волосами
и глазами добывать
лазурит

тяжесть кожи
сбрасывать
в танце молодости
на концерте
апологетов скуки

мечтать быть европой
той похищенной

я предполагаю

сдержанность
что покажет твой профиль
раскрывающую жизнь
разрезающую страсть

кто первый
слов разобьет хрусталь
вернется ли их треск
к нам –
музыка промысла

антракт выглядывает
светом
пролитым подноготно
где свет там тень
в квадрате стен

скоро заря
по твоей шее
следом откроет время

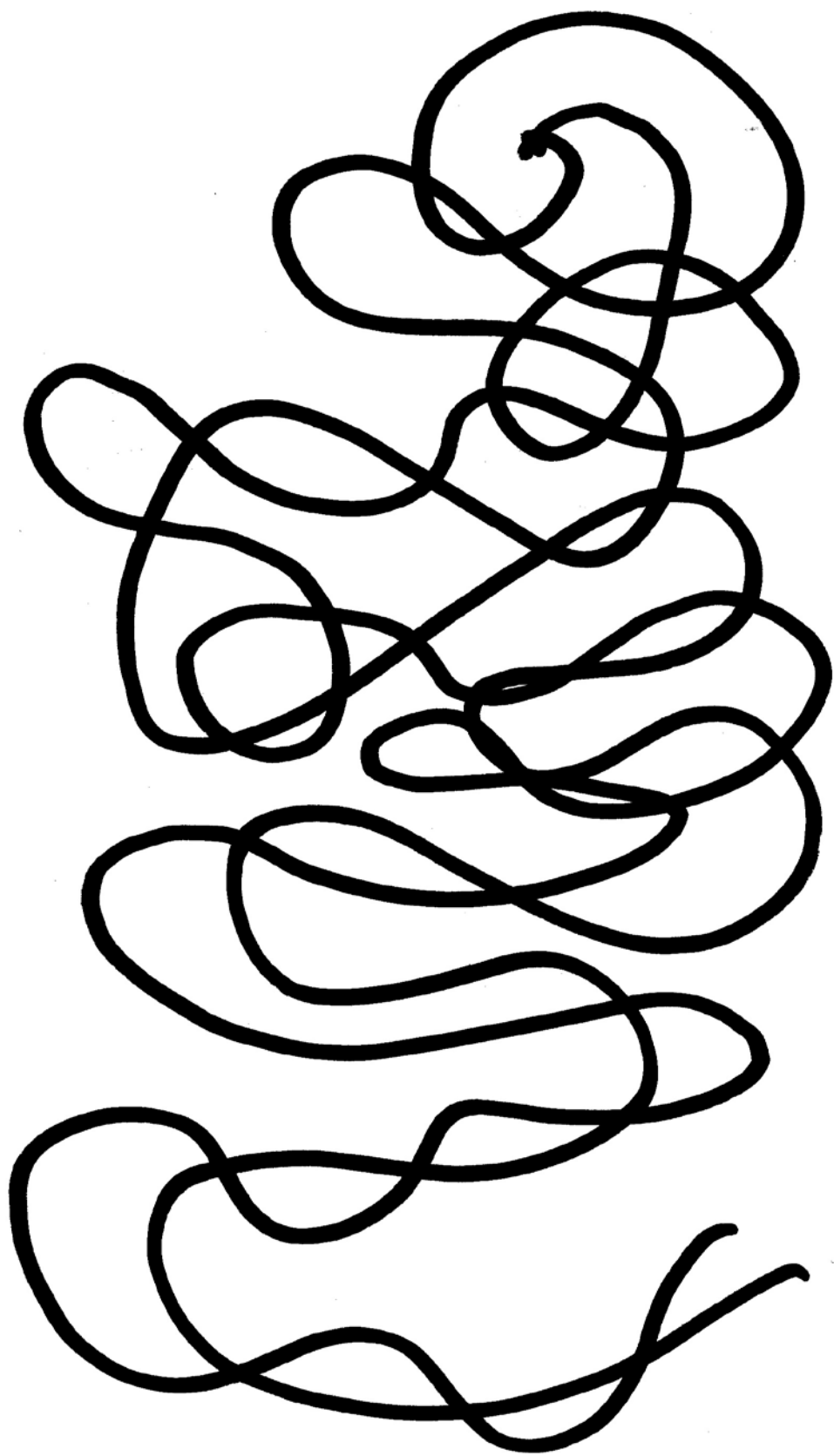
ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

спускаюсь
в настоящее
и в шум влетает смех
вернувшийся через проем окна
усиленный от гор
его близнец упавший в море
создал зефир в волнах
нахлынул на песок
разрушил мой плейн эйр
донес до тянущего дома

теперь пишу краской по твоей двери

я был здесь
как заново пришедший в этот мир
здесь и не выдав себя
ушел в мысль
стоит ли всех злат
то что нужно
только
как
точка и линия
только
как
внезапная смерть
только
как
горечь сердца

ПОСТСКРИПТУМ

Андрей Князев

Троцкий

Фрагменты

Вступление.

Очень нравится сериал "Троцкий" с Хабенским в главной роли. Я посмотрел уже несколько серий. Хабенский хорош даже более, чем всегда. Вообще – всё очень клёво. Понятно, что не с исторической точки зрения. Но это было ясно заранее. У Кинематографа всегда были проблемы совместимости с исторической правдой. Тут одно из двух – либо Кинематограф, либо историческая правда. Сразу и то, и другое не бывает.

Поэтому приходится радоваться даже тому, когда при всех натяжках, вранье, нестыковках, передёргиваниях, вранье, анахронизмах, вранье, притягивании за уши, вранье, вранье, ещё раз вранье – имеет место хотя бы некоторое соответствие истине в каком-нибудь высшем, крайне отдалённом смысле. С радостью констатирую, что в сериале "Троцкий" с крайне отдалённым правдоподобием всё обстоит просто замечательно!

Рассмотрим несколько примеров. Разумеется, специалист найдёт десятки больших и маленьких ошибок в каждой серии – вплоть до неверно указанной даты смерти Лавра Корнилова. Мы этого делать не станем. Мы не будем углубляться в первоисточники и хлестать авторов по пухлым щекам тщательно подобранными цитатами. Мы пройдемся лишь по тем ошибкам, которые бросаются в глаза с ходу. Возможно, при этом и сами пару раз чего-нибудь напутаем. Мы – люди творческие. Нам можно.

1. Вагон Первого Класса.

Начинается сериал с впечатляющей картины Свяжской Децимации. После сдачи Казани, Троцкий, вдохновлённый примером Юлия Цезаря, расстреливает каждого десятого в бежавших полках. Впечатляет Титанический Чёрный Паровоз, с медлительной неотвратимостью вырастающий над толпой маленьких пацифистов в серых шинелях. Это переломный момент Гражданской Войны. Троцкий на своём Бронепоезде ломает ход Истории, направляя её по совершенно иным рельсам. Большевицкий Трест, вместо того, чтобы с треском лопнуть летом 18-го года, вопреки всем экспертным оценкам продержался существенно дольше. Потому что под Свяжском Троцкий остановил Каппеля.

ПОСТСКРИПТУМ

Тем более радуется на этом мрачном и торжественном фоне Маленький Приятный Сюрприз в образе незабвенной Ларисы Рейснер, порхающий по вагонам Апокалиптического Эшелона в вечернем платье, с волосами, уложенными в модный декадентский Причесон. Ни дать, ни взять – Эллочка Людоедка поднялась на борьбу с Вандербильдихой. Как она умудряется поддерживать подобный внешний вид среди вшей, тифа и антисанитарии – мы не знаем. Возникает даже подозрение, что никакой Ларисы-Элочки здесь нет, а товарища Наркомвоендела обуревают эротические фантазии. Если так – то с историзмом всё в порядке. Почему бы им его не обуревать? Мужчина ещё не старый, вырванный из привычного семейного контекста. Но подобная трактовка чересчур вольна и не укладывается в стилистику исторической драмы, в которой выдержан фильм.

Проблема не в этом. Для Кинематографа такие допущения – это нормально. Проблема даже и не в диком искажении манеры поведения и стиля одежды товарища Рейснер, её образа революционной Валькирии – чёрная кожа, лаконизм фраз, резкость движений. Товарищ Рейснер не поглаживала наганы эротическими движениями тонких пальцев – она ими размахивала и палила во всё подряд. И наконец – где вросшая в иронический рот папироска? Иными словами, Маргарита Володина из "Оптимистической Трагедии" как воплощение Ларисы Рейснер кажется значительно более историчной, чем Анастасия Меськова в "Троцком". Вы спросите – откуда я знаю? Да читал я её – Рейснер. И фотки видел. Но проблема не в этом. Авторская интерпретация, бог с ней. Гротеск. В конце концов, кто станет спорить с тем, что Лариса Рейснер – декадентка и модернистка до мозга костей? Просто декаданс бывает разный. Может, авторы хотят нам сказать, что где-то в глубине души она была такая – в лёгком прозрачном платьице, с фантазийным пером в волосах, среди тифа и антисанитарии. Может быть. В глубине души мы все такие.

Насчёт шашней Рейснер с Троцким и вообще – присутствия в его Знаменитом Бронепоезде – я, если честно – слышу в первый раз. По-моему, авторы это придумали. Она же не в Поезде, а на канонерках Волжской Военной Флотилии передвигалась, и не с Лёвой Троцким, а с Федей Раскольниковым. Ну, хорошо-хорошо. Может, и был такой эпизод, я не знаю. Дело-то молодое. Просто, именно этот момент – дни после падения Казани – когда в фильме девушка увлечённо Дрючится с Троцким, нашёптывая ему Кровавые Планы Массовых Расстрелов – подробно описан в очерке самой Ларисы Рейснер "Казань". По её словам, в принципе она была неподалёку. Только по другую сторону фронта.

Казань пала внезапно. Эвакуироваться Рейснер не успела и уходила огородами, чуть ли не отстреливаясь, потом пряталась где-то по

ПОСТСКРИПТУМ

деревням – в общем, при всём уважении к Товарищу Наркомвоенделу – в данный конкретный исторический момент Дрючиться она с ним не могла.

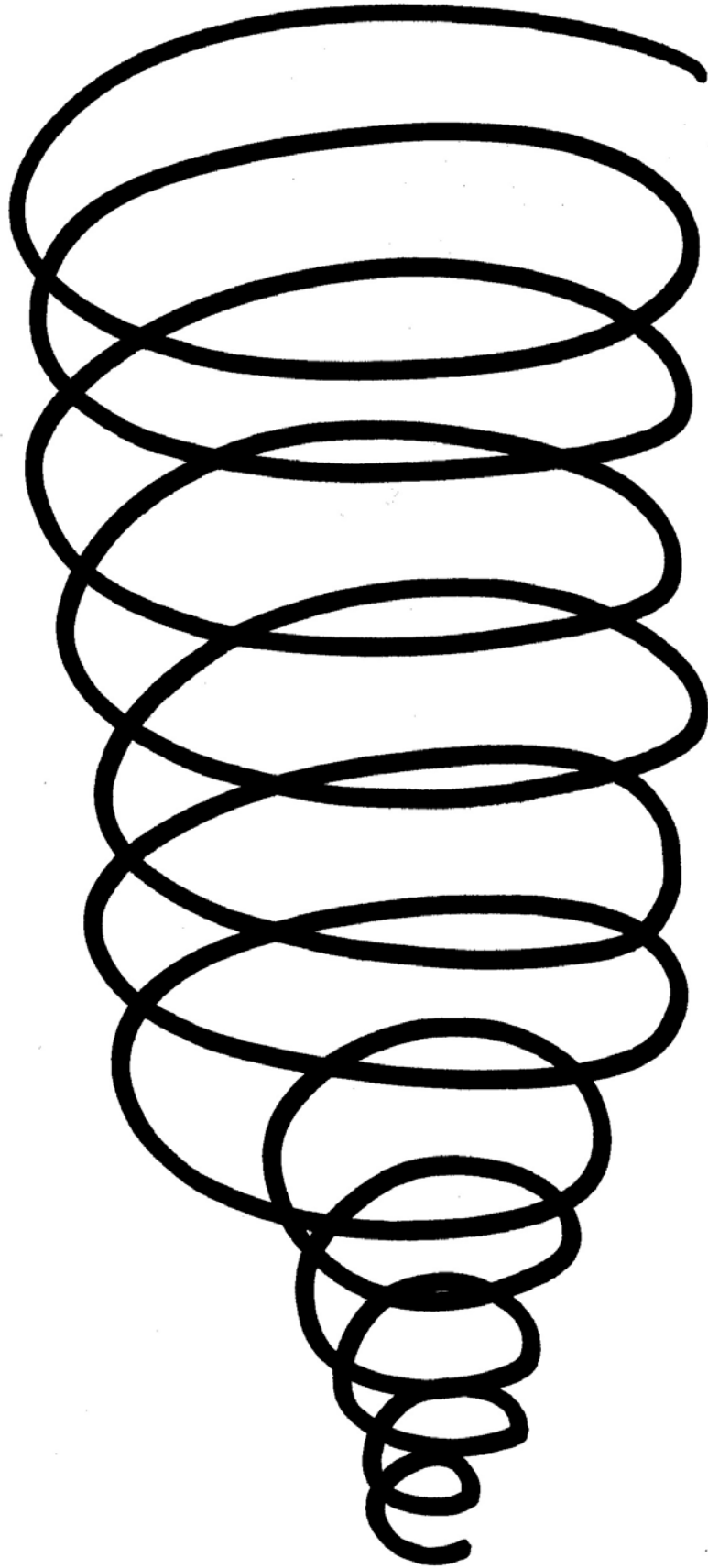
И кому нам верить? Товарищу Рейснер или авторам Современного Российского Сериала? Я понимаю, что в Таких Вопросах девушкам безоглядно верить нельзя. Но, по-моему, лучше всё-таки верить девушкам.

В принципе, эпизодически пересечься около этого времени они могли. Рейснер в своём очерке пробирается именно в Свияжск, куда в это же время прибывает Бронепоезд Троцкого. Правда, здесь она не задерживается. Выяснив, что Федя нигде нет, вне себя от беспокойства, девушка отправляется обратно за линию фронта – Искать Любимого. И пробирается в занятую белыми Казань, крайне неумело пытается изображать крестьянку. Вояж закономерно приводит эссеистку в застенки каппелевской контрразведки. Откуда она умудряется сбежать, воспользовавшись тем, что у белых творится такой же бардак, как и у красных. Впрочем, о похождениях Рейснер под Казанью лучше всего читать её саму. Страшно рекомендую!

Я всё это к тому, что где-то между переходами линии фронта, Лариса Рейснер могла мимоходом заскочить и к Лёве – взглянуть на его Вагончик Первого Класса. Но им же там явно было не до секса! Лёва спасал Революцию, Лариса спасала Федю – на секс банально не было времени!

Но в сериале, как и в Кинематографе вообще, Законы Жанра и Хронометража всегда превыше законов жизни и истории. Это я и имел в виду, когда писал, что "или кино, или правда, а сразу всё не бывает". И если согласно Хронометражу, Рейснер должна переодеться в прозрачное платье и отдаться Троцкому, тем хуже для Рейснер. И для Троцкого. Их никто не спрашивает, режиссёру видней. Куда деваться, если по Законам Жанра здесь нужна Разнузданная Сексуальная Сцена?

На самом деле, историческая, едва ускользнувшая от контрразведки, оборванная и неделю не мытая Рейснер с лихорадочным огнём во взоре и папиросой в зубах была в тысячу раз сексуальней кукольной институтки, изображающей её в фильме. Это и есть Полный Модерн и Декаданс. Так что если на самом деле у них там что-то и было – в Вагончике Первого Класса – то Льва Давидовича можно понять.

ПТИЦА

«ПТИЦА-2017»

Поэтический турнир им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2017», проходящий в 5-й раз, собрал рекордное число участников: 80 авторов из 60 городов 10 стран (Россия, Белоруссия, Германия, Израиль, Испания, США, Украина, Финляндия, Франция, Эстония). Победителем стала Виктория Смагина (Россия, Томск), лауреатами – Никита Брагин (Россия, Москва), Александра Сандомирская (Россия, Санкт-Петербург), Владислав Пеньков (Эстония, Таллин), Андрей Земсков (Россия, Владивосток – Украина, Харьков), Марина Пономарёва (Россия, Москва), Николай Борский (Россия, Московская обл.). Литературный альманах «Графит» по традиции предоставляет свои страницы для публикации стихотворений победителя, лауреатов и финалистов конкурса. Большое спасибо главному редактору альманаха Сергею Сумину за давнее плодотворное сотрудничество!

С пожеланием успеха авторам, редакции и читателям «Графита»,
Галина Булатова, организатор и куратор конкурса с 2013 г.

ПТИЦА

Виктория СМАГИНА, Россия, Томск (победитель)

МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ

меня здесь нет, как нет меня и там,
где в облацах темна вода и тени
скользят по сиротеющим кустам
терновника, цепляясь за сплетенье
корявых веток и когтей шипов –
рой мотыльков неведомого вида,
чьи крылья рвутся в воздухе и вновь
срастаются. метель эфемеридов.

меня здесь нет, но я была былъём,
проросшим на обрушенных курганах,
где стук сердец уснувших под землёй
доселе слышен в говоре гортанном
и топоте каурых кобылиц,
ковыльном море, шепчущем закатно
о племенах, не падающих ниц
от золотого бога и булата.

меня здесь нет, на нет не быть суду,
кто не судим, тот божьему подсуден
на тридцать третьем иль седьмом году
под шепоток серебряный иудин,
с заплечною молитвой «не оставь»,
когда не раб, не нем, но болен словом
и крест ложится росчерком на явь
безумием толпы многоголовой.

меня здесь нет и ссученную нить
теряют парки в путаных сюжетах
прошитых на живую...
... быть – не быть –
вопрос вопросов и ответ ответов...

ПТИЦА

**Андрей ЗЕМСКОВ, Россия, г. Владивосток –
Украина, Харьков (лауреат)**

ЗАБЫТАЯ РЕЧЬ

Далеко до царя и до Бога
В обезумевшей этой стране.
Мы – затопленный город Молога.
Мы лежим, словно рыбы, на дне.

Наши улицы – скользки, покаты –
Зарастают лиловой травой,
А по крышам шумят перекаты,
Словно грозы, – волна за волной.

Воды тёмные в церковке волглой
Говорят на немом языке.
Лишь одна колокольня над Волгой
Ржавый крест поднимает в руке.

Кто мы были? Какими ветрами
Мы дышали на кручах своих,
И с какими молитвами в храме
Мы роднили языческий стих?

Стали вязкой бессмысленной глиной
Невесомые прежде слова,
Пыль дорожная – грязью и тиной,
Серым илом – степная трава...

Что ж, прощайте. Гудит пароходик.
Может статья, до будущих встреч
Мы уходим, уходим, уходим –
Зыбь речная, забытая речь...

ПТИЦА

Владислав ПЕНЬКОВ, Эстония (лауреат)

ЖУРАВЛИНАЯ НАУКА

Смешные, в халатах забавных,
жрецы журавлиных наук,
ловили движением плавным
печальный курлычущий звук,

и ловко вдевали в наречье,
как нитку вдевают в иглу,
невзгоды свои человечьи
и птичьего разума мглу.

Я вижу сквозь те же ресницы,
да вот, рассказать не могу,
как пляшут чудесные птицы
на синем цинхайском снегу,

а только звеню наудачу,
как будто мы все вам должны
осколков фарфоровых сдачу
с фарфоровой вашей луны.

ПТИЦА

**Марина ПОНОМАРЁВА, Россия, Москва
(лауреат)**

* * *

Над остовом осенних кораблей,
Что всех осин багровей и красней,
Безропотно парит уставший мятлик,
Проросший через ситечко небес.
Зажмурился еловый, тёплый лес,
Как брошенный перед зимовкой ялик...

Расстелено панно угрюмых дач.
И я твержу циничное «не плачь».
Медовым спасом пахнет и корой,
Сухой травой, созревшей рябиной.
Слабее ночью шелест комариный,
Дом изнутри становится сырой...

Воспоминаний горькая строка,
Сегодня в сон вплывёт наверняка.
И высветит в родительских домах,
Очаг и стол, постель и покрывало,
Где вышиты все те, кого не стало,
Но кто в поступках, мыслях и словах.

Они все бродят по тугому мху.
Их узнаёшь по каждому штриху,
Что сохранит стеклянная роса.
Их узнаёшь среди обломков детства...
«Будь счастлива!

Не бойся

и не бедствуй!»

...В осеннем дыме тают голоса.

ПТИЦА

Никита БРАГИН, Россия, Москва (лауреат)

* * *

В лесах и на горах вселенская печаль,
сгущается туман, окутывая даль,
уснул тишайший мир, ни шороха, ни вздоха.
Никто не запоёт, и не плеснёт веслом,
без музыки и слов слагается псалом,
и слышится в душе – кончается эпоха.

Ты чувствуешь её как нитевидный пульс,
и штукатурку стен в отметинах от пуль,
и ржавчину гвоздей, и лишай на шпалах.
Блюстителю ушли, закончились торги,
и не вернулся ветер на свои круги...
Я здесь одна с тобой – надежда прошептала.

А сёстры где твои? Поникшая сирень,
черёмуховый сон забытых деревень,
скитается душа, не находя приюта.
Ни зёрнышка овса, ни капли молока,
а в трауре зари темнеют облака,
и где-то лают псы, пронзительно и люто.

А ты одна со мной, и плачешь, и поёшь,
и льётся на тебя горячая ложь,
в бессонных городах гремя вороньим граем!
Всё глубже в темноту, не достигая дна,
спускается душа, и, словно купина,
на медленном огне горит и не сгорает.

ПТИЦА

**Александра САНДОМИРСКАЯ, Россия,
С.-Петербург (лауреат)**

* * *

Я знаю – я сама как этот город,
затопленный дождём до самых крыш,
и странно перехватывает горло
когда в него, как в зеркало, глядишь.

Как город – между небом и водою,
на островах, где камни и полынь.
А дождь не прекращается. Ладони
подставишь, и они уже полны.

И что ни день, при здешнем тусклом свете
то, что внутри, мешая с тем, что вне,
порывистый с залива дует ветер,
и дождь не прекращается во мне.

ПТИЦА

**Николай БОРСКИЙ, Россия, Московская обл.,
Мытищи (лауреат)**

ГОРСТЬ ПЕСКА

Сентябрь. Вновь разлука с отчизною милой.
В талах осокорь золотится слегка.
И в небе вершат свой полёт горделивый
Высокие мысли Земли – облака.

На год ли, навеки ли горькой улыбкой
Прощаюсь – с поклоном осеннему дню?
Лишь в прошлом я дома. И памятью зыбкой
Былое своё сокровенно храню.

С листвою, легко облетающей с веток,
Опять расстаюсь – не хозяин, не гость,
В рыбацкий кисет нацедив напоследок
Пропахшую летом песчаную горсть,

Хоть счастья тут жить не утащишь с собою,
Хватившись беспечно промотанных лет.
И правит тоска отчужденья судьбою,
И брезжит едва возвращения свет

Сюда – из предместья, где, чтобы короче
Казалась мне явь, я ныряю стремглав
В бездонную глубь человеческой ночи,
К закату заботы свои оборвав,

Где сон – до рассвета, когда, словно тень, я
В окне – и смотрю, как сквозь кроны берёз
К утру тают звёзды – быстрее мгновенья,
Беспомощней взгляда, беззвучнее слёз,

Где днём – слободские мещанские страсти,
Мытищинский матерный в кровь мордобой,
Где мне пропадать от несправедной власти
И пошлой безжалостной черни людской.

Но это потом. А пока что со мною –
В талах осокорь, позлащённый слегка,
Да осени свет с мотыльковой листвою,
Которую в вечность уносит река.

ПТИЦА

**Геннадий АНТОНОВ, Россия, Москва
(финалист)**

...ДОМ У ДОРОГИ...

дом у шоссе
так коряв и крив
словно он пьющий леший
в челюстях окон побитых
крик
вылететь не сумевший
страшен забора щербатый рот
полный чертополоха
лик тишины по-библейски строг
впору рыдать
оглохнув
помня о мире
что был красив
глядя назад в полвека
есть лишь картинки таких россий
в памяти человек
где заполошно кипела жизнь
и на полях и в люльках
где в небесах голубых стрижи
где сенокос июльский
кадры из жизни засыпал снег
только вот у дороги
маются в сером извечном сне
сонмища изб убогих
дом перекошенный
хмур и сед
ловит дырявой крышей
будто бы ртом
как пацан-сосед
с крон переросших
вишни

ПТИЦА

**Вячеслав БАШИРОВ, Израиль, Нетания
(финалист)**

* * *

Светло и холодно, высокий потолок
расколот трещиной неторопливой,
окно распахнуто, единственный листок
слетает с тонкой ветки тополиной.

Светло и холодно, и с запахом лекарств
мешается осенних яблок запах,
окно распахнуто для ветра и листка,
которому в прозрачном небе зябко.

Вот так же будут, медленно звеня
в больничной раковине, капли капать
в осенний светлый день, когда меня
придут светло и холодно оплакать.

Окно распахнуто, высокий небосвод
ветвями тополиными расколот,
холодным светом пустота зовёт,
но как оставить этот светлый холод.

ПТИЦА

Виктория БУРЦЕВА, Россия, Москва (финалист)

ОСЕННЕЕ ШЕСТВИЕ

Платья Палеха, Хохломы
Разбазарили на отрепья
Изукрашенные холмы
С древнерусским великолепьем:

Лоскуток – оторви да на!
Поселилась, не погнушалась
Книгочейская тишина
В этой ризнице обветшалай.

Только шествуют облака
Среди пурпура и виссона,
Только плавно скользит река,
Раздвигая деревья сонно.

И восходят они к холмам,
Словно колпиц гигантских стая,
Словно в пламени терема,
Той же ветошью облетая.

(В чередѣ лубяных чудес
Нет торжественно-похоронных
Остробашенных королевств –
Всѣ палаты или хоромы.)

Ну а мне бы – свести концы
Между Астраханью и Кемью,
Как лоскутные сорванцы,
Устремиться по жизни – с кем я?

В полыхании храмин тех
Ярко вспыхну трескучей веткой!
Сердце замерло в нагоде
И распахнуто книгой ветхой –

Древней книгой, ведущей толк,
Что едины во многосложье
Журавлиный бессмертный полк
С крестным ходом к Престолу Божью.

ПТИЦА

Павел ВЕЛИКЖАНИН, Россия, Волгоградская обл., г. Волжский (финалист)

ВОЛНА В ПУСТОТЕ. ДИПТИХ

1.

Неплохо было б на песке валяться
И созерцать – без спешки, без истерик –
Как волны пенный флаг капитуляций,
Вновь отступая, выбросят на берег.

Да только я и сам – волна всего лишь:
Ударившись о землю, я рассыплюсь
На брызги слёз, что ты себе позволишь,
На пену слов и голоса осиплость.

2.

Мотор сосёт бензин похмельной жаждой,
Шофёр глазами к полосе прирос,
Мотается над выбоиной каждой
На лобовом повешенный Христос.

И в каждой вспышке встречных фар мелькают,
Как мошки, буквы – кто б их разглядел:
«Всплывём мы все когда-нибудь мальками
Из глубины планктонных наших дел.

Зачем тебе придуманное имя?
Ведь там, куда ты ангелом влеком,
Бодливая луна склонила вымя
Над пролитым по небу молоком».

Но веришь и в межзвёздном разрежении,
В планету целя зрительной трубой,
Что твой небесный путь – лишь отражение
Земных дорог, проделанных тобой.

ПТИЦА

**Андрей ДМИТРИЕВ, Россия, Нижний Новгород
(финалист)**

* * *

*И я, склоняясь всё покорней,
К воде тянуть пытался корни,
Чтоб мир испытать наверняка.*

Игорь Царёв

На горе ли
горели
костры,
где куски бересты
превращались в золу,
искрящуюся, как космос
над головой,
или с этой золой
связана проза
бытописательствующих низин?
В кувшине – вода
остывает в связи
с тем, что ползут холода
по пепельной коже ночи,
и далёкий крик птицы
ненавязчиво хочет
с сознанием слиться.

Поодаль – река
тянет широкий рукав
лёгкой сорочки
на теле сонной земли,
что головой со всклокоченными
космами кустов легла на мели,
где обронила подлунное золото,
его намывать – удел
сидящего у костра – с расколотым
о камень кувшином – оскудела
вода в нём. Кабы не эта река,
из которой пьют дикие звери,
пока первый силуэт рыбака
не возникнет из новой материи.

ПТИЦА

**Юлия ДОЛГАНОВСКИХ, Россия, Екатеринбург
(финалист)**

МЫШИ СЕРДЦА МОЕГО

Настанет час – все мышцы сердца моего
на выход ринутся, закупорив аорту.
Вдруг промелькнёт перед глазами полустёртый
пейзаж, в котором божество ли, ведовство
явило мне обвал надёжных прежде стен –
глубокий дол,
гора, кряхтя, встаёт с колен,
земля дрожит, гора рычит, гора ревёт
и по спине её ручьём стекает пот.

Семян горчичных в животе горы не счесть,
ростки минута за минутой ранят кожу
и в мир выходят, чтобы души растревожить
доступной близостью чудес – благая весть,
что твой сорняк, легка, летуча, широка
и так ярка, что приносящая рука
в густой тени скрывает истинную масть –
не опереться, не прижаться, не упасть.

Палат родильных не придумано для гор –
гора не плачет, пусть излившаяся магма
ей жжёт ступни, и проступает пентаграмма
горящим контуром сквозь дьявольский узор.
Рассвет на части режет громовержный писк –
гора рождает мышь. Бледнеет лунный диск,
в новорождённом усомнившись естестве –
грядёт жара, взмывает ввысь благая весть,

и, ослеплённое бурлящим торжеством,
ярится солнце между падающих стен.
Гора, прошу тебя, не преклоняй колен,
иди за мной!
Но невозможность рвёт аорту –
и по ладони Бога, к свету распростёртой,
исходят мышцы. Мыши сердца моего.

ПТИЦА

**Вячеслав ЕГИАЗАРОВ, Россия, Республика Крым,
Ялта (финалист)**

ВСЁ ОТМЕЧЕНО ЗЫБКОСТЬЮ МИРА

Сад запущен. Скамеечка. Столик.
Лук от зноя на грядках полёг.
Проживал здесь хромой алкоголик
и приезжим сдавал флигелёк.

Трель сверчковая полог зелёный
колыхала, скрипела кровать:
летней ночью интимные стоны
этот флигель не думал скрывать.

В звёздном небе блуждали созвездья,
в кронах сада плыл абрис луны,
не мечтал в эти дебри залезть я,
но над памятью мы не вольны.

Всё отмечено зыбкостью мира,
эфемерностью жизненных сил;
полоумный потомок Сатира
у жильцов на похмелье просил.

Шёл он к бухте под кронами пиний,
бормотал: «Не забыл ещё, друг?» –
и плавник появлялся дельфиний
на зеркальной поверхности вдруг.

Не сумел в те мгновенья посметь я
ни окликнуть его, ни спросить,
и качала, как мошек, столетья
паутины серебряной нить...

ПТИЦА

**Юрий ЕЛИЗАРОВ, Челябинская обл.,
г. Южноуральск (финалист)**

Я СЛЫШУ МУЗЫКУ ВДАЛИ...

Я слышу музыку вдали...
Как будто кто-то на рассвете,
Желая жажду утолить,
Губами прикоснулся к флейте.

Её мелодия легка –
Затихнет и воскреснет снова,
Как стихотворная строка,
В какой душа первооснова.

Вокруг и шабаш, и вертеп,
Как будто я на свете лишний,
Но всё ж за то, что я ослеп,
Благодарю тебя, Всевышний.

Я слышу музыку вдали...
Её мотив не дружен с ложью,
Её я взял в поводыри
Среди лихого бездорожья.

И пусть то здесь, то там ухаб –
Идти, на сколько хватит силы,
Сумой нести духовный скарб
По весям и верстам России.

В душе откликнулась струна
И укрепила стержень духа.
Покуда музыка слышна,
Не дай мне, Бог, лишиться слуха.

Я слышу музыку вдали...

ПТИЦА

**Евгений ИВАНИЦКИЙ, Россия, Московская обл.,
г. Фрязино (финалист)**

ОДИССЕЙ

Ночь прилетает на крыльях бесшумных, совиных,
Ночь, за которой, похоже, не будет рассвета,
И Одиссей засыпает в объятиях нимфы.
Выпита терпкая влага, попадали кубки.

Чёрными водами Стикса клянётся Калипсо,
Вечную молодость нимфа сулит Одиссею.
Ночь пахнет бездной и вечной виной, и забвеньем.
Небо пугает своей высотой непосильной...

Ночь на Итаке. Над пряжей поёт Пенелопа.
Боль, растворённая в песне, стала слезою.
Чайка кружит над простором любви и печали.
Утренним светом звезды согревается сердце.

Ах, Одиссей! Ты бросаешь вёсла в тумане
В сумерках жизни и в сумерках горестной смерти.
Годы и волны многое перемололи.
С чем ты вернёшься? В ладонях – ракушка пустая...

Вот и подъезд у дорожного круговорота.
– Здравсте! – басит Одиссею Харибда Петровна.
Сцилла Ивановна, губки поджав, замолкает,
Много чего порасскажет она Пенелопе,

Вспомнит волшебницу Кирку, детей Одиссея –
Щедрое семя далёких и долгих скитаний,
И пробежит скорпион – порожденье улыбки.
Время – по кругу. В ладонях – ракушка пустая...

ПТИЦА

**Дмитрий КАЗАРИН, Россия, Астрахань
(финалист)**

* * *

*Наконец, вышел около одиннадцатого часа,
он нашел других, стоящих праздно...
Матфей, 20:6*

Стёрлось из памяти напрочь начало дня.
Даже не знаю, где был я в полдневный зной.
Помню: под вечер хозяин нанял меня,
и виноградник свой открыл предо мной.

Только вошёл я, как сумерки занялись.
Шарил впотьмах. Да, видать, собирали тут.
Взялся за кисть, а в руках оказался лист.
Надо бы вглубь. Но уже на расчёт зовут.

Вот я пустую корзину к воротам несу.
Видимо, будет хозяин меня стыдить.
Нанятые в одиннадцатом часу –
из виноградника начали выходить.

**Владимир КОРКИН, Россия, Ярославль
(финалист)**

РАЗГОВОР С РОССИЕЙ

Обескровленный знанием
прежних эпох,
я щекою к тебе
в этом времени
зыбком
прислоняюсь.

ПТИЦА

И знаю,
что каждый мой вдох
полон чьим-то уже
оборвавшимся
криком.
Где рождение и смерть
воедино сплелись,
где родам и народам
просторно
и тесно,
я былинкою врос
в бесконечную жизнь,
растворяясь
в просторах твоих
повсеместно.
Я – колодец преданий,
основ, и начал,
колыбель чистоты,
тёмный омут
пороков.
Древний старец-ведун
мне в душе начертал
предсказанья
твоих сумасшедших
пророков...

И я полон тобою,
как бражный сосуд,
терпкой смесью
взрывною
веселья и жути,
той, с которой меня
на погост понесут
по былинным загадкам
твоих
перепутий.

ПТИЦА

**Валентин ЛИТВИНОВ, Россия,
Республика Бурятия, Улан-Удэ (финалист)**

ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

Зеленеет гай, а вата
Облаков – белее хлопка.
Голубой карбункул неба
Отражается в реке.
Как индейский Гайавата
Я веслом табаню ловко.
Всё с собой – краюха хлеба
И махорка в вещмешке.

Вероятно, на закате
Раскурю я трубку мира.
Днём сквернить чистейший воздух
Почему-то не хочу.
Как настойку на мускате
Пью хмельной поток эфира.
А когда наступит роздых,
Я костёр раззолочу.

Он разгонит сизый сумрак,
Словно лунная дорожка.
Звёздный дождь, неся прохладу
И призывы дергачей,
Догорит в небесных умбрах.
Я ж улягусь спать сторожко.
Ничего-то мне не надо.
Я свободен, я ничей.

ПТИЦА

Наталья МАЛИНИНА, Россия, Ярославль (финалист)

ЛЁТКОЕ

Берег высокий прав, берег низкий – лев.
Ты по каким законам течёшь, река?
Тени и свет, светотенями – облака.
Ноги купаю в облаке. Здесь, созрев,
сыплется семя сныти в омут – черней чернил;
вряд ли теперь удастся кому врасти
в берег стоячий... Может, и ты приплыл,
и прорасти не надо, а всё простить,
сделаться, лёгким, лётким – без якоря и корней;
больше себя не мучить: «Зачем ты жив?»,
если журчит река и резвятся в ней
небо, стихи и девочки, нежное обнажив.

**Эмилия ПЕСОЧИНА, Германия, Ольденбург
(финалист)**

БЫТЬЁ-ШИТЬЁ

Залатай золотой пеленой луннотканых стихов
Эту ветхую жизнь... Что поделать – такая планида...
Где другую возьмёшь, из эбена ли, из эбонита,
Чтоб на ней ни надрывов, ни шрамов от крепких оков...
Да и в дереве чёрном немеет певучая речь,
Но лелеет молву многострунная белая ива!..

Вот стихов бы из шёлковых маков нашить на заре,
Но материей нынче матёрая служит крапива.
От стрекательной злости ожоги терпеть не впервой,
И пожары обид достигают гигантского роста...
Залита ненаглядная строчка дымящейся тьмой,
И сияет, и меркнет вотще красота под коростой.

Перешей наизнанку душой эту блёклость житья –
Сколько тёплого солнца на алой подкладке лучится!
И жемчужина слова созрела, пока что ничья,
И тревожно трепещет жар-птица под левой ключицей.

ПТИЦА

Заплетай тёмно-русые пряди пшеничных краёв
В длиннокосые волны почти переждённого поля...
А за ним от житья остаётся одно лишь жнивье,
И рифмуется с волей от боли свободная доля...

Залетай за лета и печали, за сорванный свет,
За развёрнутый свиток полдневной небесной берёсты...

Видишь ломкие крылья лучей над вечерним погостом? –
Это ангел летит, рассыпая росу на траве...

**Рустем САБИРОВ, Россия, Республика Татарстан,
Казань (финалист)**

ДОРОГА СУДЬБЫ

Жизнь свивалась петлёй и злорадно шипела, как кобра.
Полоса неудач не черна, а серее свинца.
Жизнь смеялась в лицо и лупила свинчаткой под рёбра,
И трепала, как кошка, упавшего с дерева птенца.

Жизнь брала на излом, и он стал недоверчив и скрытен,
От дорог, перекрёстков, приютов рябило в глазах.
Он шагал по своей, не считая капканов и рытвин,
Усмиряя соблазн хоть бы раз обернуться назад.

Потому что он знал, что в провалах, ловушках, ненастьях
Есть какой-то резон, будто спящее в почве зерно.
Потому что несчастья когда-нибудь выведут к счастью.
Вот такая дорога. И, к счастью, иной не дано.

И пропала дорога, сошла на осколки и звенья,
Он увидел Судьбу сквозь неверный кочующий свет,
Сквозь кипенье дождинок, в коротком пальтишке осеннем.
И сказал: «Я пришёл». И Судьба улыбнулась в ответ.

ПТИЦА

Ольга УВАРКИНА, Россия, Москва (финалист)

ВСЯ ЖИЗНЬ – ПЕРЕВЁРНУТЫМ БЛЮДЦЕМ...

*Поэту Алексею Комлеву и всем,
пережившим трагедию затопления городов
в 30 – 50-х годах прошлого столетия*

Вся жизнь – перевёрнутым блюдцем...

Не сыщешь тропы на погост,
Увидеть нельзя и вернуться
В свой дом, где родился и рос.

Мой белый корабль-оригами
Весь век в ощущение беды.
Мой сад меж двумя берегами
Под толщею мёртвой воды.

Я – пленник её акваторий,
Заложник эпохи тех дней,
Где тёмные пятна историй,
Как тайна, исчезли на дне,

Как детство, что скрылось из вида...
Из сердца не выкинуть вон
Калязин – мою Атлантиду
И Китеж крамольных времён.

Печально над вольным простором
Одна колокольня теперь
Стоит молчаливым укором
И символом вечных потерь.

Нет памяти этой дорожке,
Когда управляю веслом,
Ведь всё, что я нажил и прожил,
Течением лет унесло.

Мой путь, небезгрешный и дольний,
С мечтой и надеждой, как сон:
Доплыть до святой колокольни,
Услышав малиновый звон...

ПТИЦА

Александр ШВЕДОВ, Россия, Москва (финалист)

НАШ ГОРОДОК

... наш городок нет, не убогий,
такой всемобыкновенный.
Вот кособокий парходик
его пронзает внутривенно
через плотвяную речушку.

Отдав здоровье политуре,
на берегу бузит пьянчужка,
грозя разводом бабедуре.

Ну что за глупые угрозы!
На площади пасутся козы
и на мультяшки валят дети
в ДК им. Саккои Ванцетти.

Где был завод – теперь пустырь,
вдали сыреет монастырь,
уставший, побывавший складом,
но ставший вновь монастырём...

гляжу в окно, чаруясь садом,
бухаю с Петькой звонарём.
Мы всех пьяней на этом свете...

вдруг в форточку домушник-ветер
дыхнёт дождём и для довеску,
как будто невод, занавеску
закинет в мокрый небосвод.
За хвост хватай – тащи. И вот
созвездье рыбы – мой улов
на фоне крыш и куполов.

ПТИЦА

**Надежда ШЛЯХОВА, Россия, Московская обл.,
Сергиев Посад (финалист)**

НЕСОВЕРШЕННЫЙ ГЛАГОЛ

Холодно и пусто окрест.
Тёмный сад безлюден и гол.
В мире, представляющем, как текст,
Я – несовершенный глагол.

Я в душе своей взаперти –
Совершенства нет ни на пядь.
Уходить не значит – уйти,
Понимать не значит – понять.

Жизненной стрелы остриё
Жёстко направляет мой путь.
Создано? Уже не моё.
Ни узнать, ни встать, ни вздохнуть.

Там, где не пройти кораблю,
Двигается мой ледокол.
Как «живу», «надеюсь», «люблю»,
Я – несовершенный глагол.

Михаил Николаевич Киреев

ПРЕДИСЛОВИЕ ПУБЛИКАТОРА

В 1890-м году в любопытнейшем санкт-петербургском журнале «Русская старина», созданном специально для публикации записок, воспоминаний, автобиографий, дневников послепетровского времени, были опубликованы «Записки Михаила Николаевича Киреева». Передал их редакции двоюродный племянник автора, Александр Александрович Киреев. Самого же автора уже полтора десятилетия как не было в живых.

Михаил Николаевич Киреев родился за десять лет до рождения Пушкина, на год его смерти приходится писательский дебют Марка Твена и первое издание «Алисы в стране чудес». Судьба его деда подробно описана в «Записках...», отец, как и положено дворянину, служил в армии и показал себя героем во время суворовского взятия Измаила. Пятнадцати лет от роду Михаил был отдан в волонтерский корпус, одно из первых в России офицерских училищ, закончив его в 1811-м году. Более чем полсотне молодых офицеров из его выпуска суждено будет погибнуть в Бородинском сражении. Сам же Михаил Киреев в войне с Наполеоном не участвовал, ему была стечением обстоятельств определена тыловая служба в Казани.

Выйдя в отставку после тридцати лет воинской службы, в 1843 году он был избран предводителем дворянства Ставропольского уезда Симбирской губернии. Эту должность отправлял до 1860-го года, более двадцати лет, исключая лишь год 1857-й. Последние годы уезд входил уже в новообразованную Самарскую губернию.

Удалившемуся от дел накануне 70-летия Коллежскому советнику, что соответствовало армейскому полковнику, оставалось еще полдесятилетия жизни. Видимо, в это время он и пишет свои записки. Подчеркивая их частный характер, Михаил Николаевич адресует их своим детям. По архивным фондам известно о двух сыновьях, Владимире и Михаиле, и двух же дочерях, Варваре и Наталье. Насколько мало известно нам об авторе иллюстрирует хотя бы то, что судьбы его потомков теряются в неизвестности. Известно лишь, что Варвара Михайловна Киреева входила

МИР – ОТЕЧЕСТВО

в число землевладельцев Бугульминского уезда Самарской губернии.

«Записки...» в полном объеме включают в себя восемь глав. Здесь перепечатываются только четыре из них. Все они касаются событий, происходивших в Поволжье на территориях нынешних Пензенской, Ульяновской и Самарской областей и Республики Татарстан. Место действия остальных глав иное, да и воспоминания выходят за пределы круга родных и близких. Но заглавия глав стоит привести: III. Дворянский полк. IV. В учебном батальоне. V. В отъезде по службе. 1812 г. VI. Много лет спустя. – Полковник Ситников. Редакция Санкт-Петербургского журнала была заинтересована в первую очередь именно этими главами. Хотя бы потому, что мемуары, затрагивающие столь ранний период Дворянского полка, к тому времени не были известны. Кажется, не известны и по сию пору. Волжан же, вне сомнений, должны заинтересовать быт и предания своего края, изложенные прекрасным языком и одухотворенные чувствами автора. Пусть даже эти чувства обращены к уничтоженному впоследствии аристократическому сословию – благородство свойственно любой душе, осознавшей высокое предназначение. Горожане же нынешнего Тольятти, надеюсь, переместят Михаила Николаевича Киреева из череды руководителей, упомянутых на сайте местной администрации, в более интимную и доверенную сферу душевных собеседников. Среди прозаиков города Михаилу Николаевичу хронологически принадлежит первое место, какое место он займет в читательских душах – каждый из читателей решит сам.

Георгий Квантришвили

Записки Михаила Николаевича Киреева

Родился 1789 г. + 1865 г.

Несколько раз приходила мне мысль описать все обстоятельства моей жизни с самой юности. Несколько раз принимался писать, но все выходило нескладным, и я бросал написанное. Много этих отрывков валялось в моем столе, и я потерял уже надежду исполнить когда-нибудь мое желание.

Раз, пересматривая старые книги, я нашел переплетенную в пергамент, оказалось – апостол, изданный для того времени довольно изящно, с довольно хорошими гравюрами евангелистов и картиною из апокалипсиса.

Рассматривая книгу со вниманием, я нашел на ней надпись, что она подарена покойному моему деду – М. М. Кирееву, убитому пугачевцами, о чем значится в «Истории Пугачевского Бунта» А. С. Пушкина, – подарена придворным протоиереем Иоанном. В ней рукой моего деда записано время рождения его детей. На другой странице рукой покойной матери моей – день ее свадьбы, время рождения старшей сестры, мое и брата меньшего моего, и отдельно: тогда-то взят учитель, тогда-то отдан в пансион Вильфингу, определен в гимназию, поехал в корпус, выпущен в офицеры, приехал в Казань поручиком.

Читая эти строки, явилась у меня мысль воспользоваться ими и взять их как канву для рассказа о моей жизни. Я начал писать эту тетрадь. Что-то выйдет? Но, что бы ни вышло, для вас, мои милые дети, будет это интересно, и конечно вы не будете строгими для меня критиками, а может быть тетрадь эта принесет вам пользу.

В ней вы будете видеть всю жизнь мою, как в зеркале. Увидите, как развивался характер мой, какое влияние на него имело воспитание, мне данное, семейное положение – и тогда поймете, как много значат для человека впечатления, которые получает он в молодости, как они изменяют его характер, и это предостережет вас от ошибок при воспитании детей ваших.

Мих. Ник. Киреев

МИР – ОТЕЧЕСТВО

I.

Мой дед Михаил Михайлович Киреев Эпизод из пугачевского бунта

Рассказ, помещаемый здесь о моем дедушке Михаиле Михайловиче, записан мной в 1820-х годах со слов очевидца его гибели от рук пугачевцев.

М. Н. Киреев.

Не желание прослыть автором заставило писать вашего отца! желание передать памяти вашей геройский подвиг вашего прадеда, его самоотвержение, любовь к Богу и преданность к престолу. Пусть пример его будет неизгладимо запечатлен в сердцах ваших, вы встретите неустрашимо смерть: как умер прадед, скажете вы, так умрем и мы!

Не запятнаем постыдною трусостью род праведника, коего никакие страдания не в силах были поколебать в верности к долгу.

Во время страшного бунта злодея Пугачева прадед ваш жил в Пензенской губернии, в имении своем, в с. Родниках. Он был богатырь и по сложению и по характеру. К 12-ти вершковому росту и невероятной ширине плеч, явно выказывавшей чрезмерную силу, он присоединял необычайную ловкость. Он летал на коне соколом, как рассказывал мне покойный мой дядька, бывший еще мальчиком у него в стреленных. Бил из винтовки любого гуся на пруду. Семейство любило его до обожания. Богатые соседи уважали и боялись: насмешка острая делала их осторожными в обращении с ним. Бедные – имели в нем судью хотя строгого, но, вместе с тем всегдашнего покровителя. Дворня и крестьяне видели в нем отца: все нужды их он знал сам, никто не имел власти взыскивать с них, кроме его, – мудрено ли, что они любили его.

За долговременную службу в лейб-кампании он получил чин вахмистра, был известен императрице Екатерине, и в этом же чине оставил службу.

Вам удивительно, друзья мои, что такой ничтожный чин мог выслужить прадед ваш, но я уничтожу ваше недоразумение: чин вахмистра лейб-кампании равнялся секунд-майору армии, и многие добивались этого чина как особенной милости императрицы. Лейб-кампанский корпус, коего капитаном была сама государыня, сформированный из дворян старинных фамилий, огромного роста красавцев, был цвет дворянства русского*. Будучи

МИР – ОТЕЧЕСТВО

лично известны Великой Екатерине, многие занимали впоследствии высшие должности в государстве.

Когда дошел слух о приближении бунтовщика, дед решил удалить жену и малолетних детей в другую деревню, но ни слезы беременной жены, ни вопли уже взрослых дочерей не могли убедить его уехать с ними. Он остался со старшим сыном, только что приехавшим в отпуск по производству в офицеры. На все убеждения близких он отвечал: «Мне нельзя уехать, я – дворянин, скажут, что я испугался, струсил вора: нет, умру, а не уеду, матушка-царица вас не оставит!».

– Отпусти, по крайней мере, со мною сына, – упрашивала его жена.

– Нет, возьми меньших, а этот пусть умрет, он будет драться с ворами.

Горькие слезы семейства не поколебали решимости его, он отер наворачнувшуюся слезу, благословил их, сел в линейку и поскакал к соседям убеждать их собраться с дворовыми людьми, более надежными, к нему в дом. Дом этот был каменный, с подвалами, железными дверьми и решетками. В нижнем этаже в подвалах заготовлено было провизии и воды недели на две. По убеждению его, поместились в нем двенадцать человек дворян, старый священник и до сорока человек с оружием и лучшим имуществом.

Несколько дней партии не являлись в окрестностях, наконец, узнали, что человек двести сволочи под командою казаков грабят в десяти верстах дом помещика.

– Смеются что ли они, воры, над нами, под носом озорничают, я их уйму; лошадей! – закричал запальчиво старик. Охотники бросились исполнять приказание его под надзором сына и некоторых дворян.

– А что, Миша, – спросил его Вака, шут-любимец, – не лучше ли не дразнить шмелей?

– Разве ты струсил, подлец?

– Мне что трусить, Миша, я не барин, за себя, ты знаешь, я постоять умею, кистень из рук не вывалится.

Вака был не дурак, а балагур, силач, лихой наездник и охотник, а потому был любимцем прадеда вашего. Вака щегольски разыгрывал роль шута, был в славе в околodge, люди боялись его языка, а волки – кистеня, которым он на всем скаку бил их без промаха.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

– Я с тобою, Миша, – сказал шут задумавшемуся барину.

Лошадей оседлали. Вака на пегом жеребце, грива которого почти волочилась по земле, балагурил с охотниками, несколько оробевшими. Вышел прадед ваш с сыном и большею частью дворян, старец священник благословил их.

Прадед ваш был в обер-роке, поверх которого была надета тяжелая лейб-кампанская кираса. На толстой серебряной цепи висел огромный палаш, голова была покрыта шишаком. Целою головою он был выше прочих. Сын его, Киприян Михайлович, был видный молодой драгунский офицер в форме своего полка.

– С Богом! – сказал прадед ваш своим спутникам.

Осенний день вечерел. Знакомые с местностью охотники, проехав рощею, спустились в овраг, которым можно было подъехать незаметно к саду дома, где были злодеи.

Дождавшись ночи, Вака с четырьмя человеками по приказанию барина прокрался к дому, товарищи его залегли в кустах, он сбросил армяк, прикрывавший его шутовской наряд, и бесстрашно пошел к пирующим.

– Бог на помощь! – сказал он, войдя.

– Кого тебе надобно? – спросил его мертвецки пьяный казак, которого прочие называли полковником.

– Того, кто потчевает вином, – отвечал, приняв на себя шутовскую рожу, Вака.

– Видно, охотник, шельма?

– Смертный, – отвечал Вака и залпом выпил стоявший на столе полуштоф.

– Славно, – сказал казак.

Вака начал врать прибаутки, припевая и приплясывая, как бы не нарочно брал ружья и пистолеты, ссыпал потихоньку порох с полка.

Пьяная ватага не могла заметить его проделки. Наконец, притворившись мертвецки пьяным, он вдвоем с одним из казаков отправился показывать по секрету зарытые деньги, в сад. Подошед к концу сада, Вака схватил товарища за горло. Покуда тот старался выбиться из железных рук Ваки, из кустов вышли товарищи последнего и без шума связали казака, а, чтобы тот не кричал, вложили в зубы кляп, и сели на лошадей. Вака поместил на седле своего молчаливого поневоле товарища и пегий, как бы не чувствуя двойной тяжести, крупною рысью полетел за товарищами.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

По приезде Вака донес, что вся ватага, мертвецки пьяна, пирует в барском доме.

– Зажечь дом со всех четырех углов, – сказал старик Ваке, – а мы поспеем.

Через короткое время пламя вспыхнуло и все под предводительством прадеда вашего бросились на барский дом. Бесчувственно пьяные казаки схватили оружие, бросились из дома. Стеснясь в сенях, мешали друг другу выйти.

– Ну-ка, Куприяша, плюнь им в глаза, – сказал Вака молодому барину, – видишь, спросонья не протрут глаза.

Раздался выстрел из мушкетанта, как дождем обдало картечью толпившихся в сенях, все бросились назад.

– Заряжай, Куприян, – сказал прадед ваш, и, в свою очередь, выстрелил из мушкетанта, висевшего у него близ седла, тягостью и огромностью калибра сподручного только силачам того времени.

За оглушительным треском послышались стоны раненых. Проворный и сметливый Вака для защиты осаждающих велел подвезти воза награбленного имущества, приготовленного злодеями для отправки к главному отряду.

В окнах показалось несколько человек с оружием. Но недолго злодеи могли держаться в доме, огонь проник вовнутрь комнат и они бросились опроретью к сеням. Опять раздалась выстрелы мушкетантов, но отчаяние взяло верх, несколько уцелевших от ран выскочили из дверей.

– Вот и моему дураку работа, – сказал Вака и тяжелый кистень завизжал в руке его. Многие охотники имели для волчей охоты такие кистени и управлялись ими ловко. Все выпрыгнувшие легли под ударами их. Дом пылал. Убитые, раненые и мертвецки пьяные злодеи горели вместе с ним.

На другой день староста прадеда пришел доложить ему, что молодой священник читал какую-то бумагу от царя Петра III, что ни он, ни мужики ничего не поняли. Что поп был пьян и уговаривал их идти с покорною головою к царю, который находился верстах в пятнадцати. «Но крестьяне без твоего спроса, батюшка, нейдут».

Поп разругал их и поехал один с каким-то кривым мещанином.

Ночью караульные разбудили прадеда вашего. Багровое зарево виднелось над деревней, в которой были истреблены бунтовщики. Вслед за ним вспыхнуло ближайшее село, и менее чем в час

МИР – ОТЕЧЕСТВО

все окрестные деревни пылали. На дворе в осеннюю ночь было светло как днем. Спустя немного времени прибежал крестьянин и объявил, что Пугачев с огромной партией остановился верстах в пяти и утром, по убеждению попа и доноса целовальника об истреблении партии бунтовщиков, явится в Родники. Прадед ваш собрал людей, объявил им об опасности и дозволил тем, которые боятся умереть, выйти из дому. Все бросились на колени.

– «Жили с вами, отцы наши, и умрем с вами!» – закричали они в один голос.

Старый священник осенил их крестом, все бросились целовать крест, произнося клятву быть верными.

Почти с рассветом явился казак и передал через мужика указ Пугачева, называвшегося Петром III, чтоб прадед ваш с дворянами шел к батюшке-царю без опаски. Что за прежнюю его службу пожалует, и что он, не узнав его партии, разбил ее, в вину ему не поставит, потому что та партия без ведома царя озорничала. Желал ли сам выманить деда хитрый Пугачев, или, узнав о храбрости и уважении к Мих. Ник. Кирееву всего околодка, желал привлечь его на свою сторону обольщениями, – неизвестно. Прадед ваш прочитал письмо всем, но никто не согласился купить жизнь бесчестно. Он написал ответ следующего содержания:

– «Петра III я видел мертвого, был при его погребении, присягнул императрице Екатерине. Знаю, что называющий себя царем – Емелька Пугачев, вор и разбойник».

Не прошло часу, по дороге показались приближавшиеся бунтовщики. Огромная партия казаков, мещан, дворовых людей и крестьян окружила дом. Некоторые были вооружены и большая часть с пиками, топорами, косами и железными вилами. Вдали виднелся кружок лучше вооруженных и одетых. То была свита приближенных к Пугачеву, в ней был кривой целовальник и поп с крестом в руках. Несколько человек казаков, отделясь от свиты с попом, подъехали к мужикам и о чем-то жарко разговаривали. Видно было, что последние сопротивляются. Человек до двадцати из свиты Пугачева вновь подъехали к толпе, подвезли бочку с вином, чернь бросилась пить, кто чем попало... Наконец, вся толпа бросилась к дверям под предводительством казаков. Некоторые тащили бревна, вероятно, чтоб выбивать решетки нижнего этажа или двери.

Раздался залп винтовок и ружей. Редкая пуля миновала свою цель. Человек двадцать казаков слетели с лошадей. Вся

МИР – ОТЕЧЕСТВО

толпа бросилась назад. После нескольких совещаний толпа, предводительствуемая казаками, с ужасным ревом вновь бросилась выбивать двери. Опять посыпался град пуль.

Разбешенные неудачей злодеи, боясь подходить близко, подвезли пушку. Долго уставляли, наконец раздался выстрел, ядро задело карниз и часть крыши, не нанеся никакого вреда. Сделали еще несколько неудачных выстрелов и хотя один попал в окно, но так же не сделал никакого вреда. Один из людей, глядевший из слухового окна, прибежал к прадеду и доложил, что значительная толпа народа скопилась в саду. Старик послал сына и Ваку посмотреть, куда клонится умысел злодеев. Вака сбежал вниз и рассказал старому барину свои догадки. Лучшие стрелки с винтовками и старый Ефим явились к слуховым окнам. Прадед не мог взойти по крутой лестнице и остался внизу охранять наружную часть дома. Ефим пустил несколько пуль и каждая свалила с коня казака, но работа не прекращалась: видно было, что казаки били нагайками крестьян, неохотно исполнявших их приказания. Наконец, телег пятьдесят с сеном, соломой и дровами начали подъезжать к дому. Казаки прятались за деревьями и возами, били крестьян, если те останавливались. Казаки зажгли солому и сено. Пожар начал распространяться. Дым валил прямо в слуховые окна, стрелять было невозможно.

Дядя ваш донес отцу об угрожающей опасности, тот собрал всех бывших с ним в доме и объявил, что более нет спасения. Большая часть предалась отчаянию, но старик не потерял присутствия духа, подозвал к себе бывших с ним дворян и сказал:

– «Я с сыном умру, но не признаю злодея царем, а вы, братцы?».

«Умрем с тобою, Михайло Михайлович!».

Тут прадед подозвал священника, все встали на колена и приобщились Святых Таин запасными дарами, которые имел с собой старец священник.

Торжественна была эта минута: ни стонов, ни рыдания не было слышно, только одни молитвы, шепотом произносимые. Старец, как бы вдохновенный, сказал: «благословляю вас, верные Богу и престолу, на страдание. Да подкрепит вас Всевышний к принятию венца мученического».

Все начали прощаться друг с другом, дворовые целовали руки и ноги господ своих и обливали их горькими слезами.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Дым начал врываться в зало, где происходила эта ужасная сцена. Медлить было невозможно. Прадед ваш подозвал к себе сына, чтоб благословить его, тот встал на колена и принял благословение отца, дав клятву не признавать царем Пугача.

Отворили двери в сенях. Сперва вышли дворовые, за ними ваш прадед в полном вооружении лейб-кампанца. Толпа злодеев кинулась на него с пиками, но они как тростинки перелетели от удара его палаша. Бой завязался, справа возле деда вашего визжал кистень Ваки, слева Ефим кроил огромным топором желавших нанести удар его отцу-барину. Наконец, пал этот верный слуга, простреленный навывлет пулею. Раздался еще выстрел, прадед ваш зашатался, упал на колена, пистолетная пуля раздробила его ногу ниже колена. Толпа бросилась было убить его саблями, уже нанесли несколько ударов, но они не в силах были прорубить его шишак и латы, как вдруг раздались слова: «не бейте старого пса, ведите его к царю». После многих усилий удалось злодеям выбить палаш из ослабевших рук старца и его повели к Пугачеву, который сидел верхом на башкирском иноходце. Костюм его была смесь казацкого и прежнего боярского; на груди навешаны разные ордена, надетые вовсе не правильно. Его окружали казаки и каторжники, на зверских лицах коих видны были следы клейм. Прадед ваш не мог стоять, его посадили на землю.

– Что бесишься, старый черт? – спросил его Пугачев, – неужели не узнал своего царя?

– Разве ты царь? – спросил старец.

– Что, видно, старый слуга не узнавать меня стал?

– Нет, ты не царь, а злодей-бунтовщик Емелька Пугачев.

Православные, не верьте этому извергу, схватите его, вас наградит матушка-царица!

– А, так ты до меня добираешься, увидим, не заговоришь ли другое. Влас, – сказал Пугачев одному из каторжников, – расправь ему косточки, да смотри, умненько.

– Не привыкать, царь-батюшко, – отвечал злодей.

Несколько человек бросились на прадеда вашего, сорвали с него кирасу и платье, привязали руки к пушке, а ноги к лафетному станку. Изверг, исполнявший должность палача, начал бить его нагайкой. Кровь обливала страдальца, но он читал молитвы. Взбешенный злодей усилил удары, но не вырвал ни одного стона у праведника.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

– Стой, – закричал Пугачев, – подведите к нему сына. Страдалец приподнял голову и увидел сына, скованного по рукам и ногам.

– Повинись, – сказал Пугачев, – я помилую тебя и твоего сына, не повинись – велю его повесить пред твоими глазами.

– Не жалею меня, отец, я не опозорю тебя и сумею умереть, – прервал Киприян Михайлович.

– Бог благословит тебя, сын мой, теперь я умру покойно.

– На ворота щенка! – закричал Пугачев, и дядю вашего повесили на ворота пред глазами отца.

Пугачев заметил, что твердость старца тронула самих извергов, его спутников, и некоторые из казаков начали роптать на зверство его. Он, обернувшись к палачу, сказал:

– Покончи, Влас!

Раздались еще несколько ужасных ударов и молитва замолкла в устах праведника, он скончался.

– Псам на корм, – заревел Пугачев. – Никто не смей хоронить!

В это время с рыданием бросился на труп своего барина Вака, обнял ноги его своими руками. Удар кистенем раздробил ему череп.

Партия Пугачева, перевешав дворян и ограбя имущество, собранное в доме, ушла, а по уходе их старец священник похоронил тела убиенных в другом селе, потому что товарищ его не допустил похоронить в с. Родниках, Мокшанского уезда Пензенской губернии.

Прадеда вашего положили в одной могиле с верным Вакой, руки которого заостенели, обняв ноги его, и их не могли разнять.

Примечание. Рассказ о смерти Михаила Михайловича Киреева (он значится в списках убитых Пугачевым в «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкина, изд. 1855 г., т. VI, стр. 254; причем там отмечено, что он убит с дочерью), записан, как уже сказано выше, со слов очевидца, внуком убитого – Михаилом Николаевичем Киреевым, в 1820-х годах.

А. А. Киреев.

* Необходимо объяснить, что лейб-компания учреждена была в декабре 1741 г. императрицею Елисаветою и состояла далеко не из старинных дворян: большинство только тогда в дворянство и возведены. Петр III распустил лейб-компанцев, но Екатерина II

МИР – ОТЕЧЕСТВО

большую часть их вновь собрала и составила из них корпус кавалергардов. М. М. Киреев, вероятно, был в числе кавалергардов.

Ред.(примечание публикаторов в ж. «Русская старина»).

II.

Родители. – Мое детство.

Я родился в Симбирской губернии, в селе Озерках, в имении тетки моей, где постоянно жила мать моя по смерти родителей. Тетка моя, А. И., лет 14-ти была отдана замуж за старика лет 60-ти, строгого, капризного, прожила с ним безвыездно в деревне лет двенадцать...

Приученная к аккуратности и порядку, она привыкла также считать строгость и холодность в обращении с людьми необходимостью, и, будучи от природы наделенной характером твердым, настойчивым, соединенным с умом необыкновенным, поставила мать мою в такую зависимость, что та считала всякое слово ее законом, не позволяла себе никаких возражений против приказаний сестры, облеченных в форму советов, и безусловно повиновалась ее воле.

Мать моя имела другую сестру, Н. И., выданную замуж в Саратовскую губернию, муж которой задолжал значительную сумму и потом вынужден был продать имение жены в Оренбургской губернии. Имение это еще не было разделено, и потому им управляла, как старшая сестра, тетка моя А. И. Н. И. приехала в Озерки, чтобы условиться в разделе с ними. Приехал и покупатель имения, впоследствии отец мой.

Он был мужчина лет 26, прекрасной наружности, служил несколько времени в гвардии офицером и за тяжкие раны в грудь пулею, полученную при штурме Измаила, оставил службу. Первого свидания достаточно было, чтобы мать моя и отец полюбили друг друга.

Любовь их не скрылась от прозорливости старшей сестры. Чтобы не дать укорениться этой привязанности, она придумала средство, не оскорбляя отца моего, удалить его из Озерков. Завела спор о наследстве, Н. И. наговорила дерзости ее мужу, человеку простому, и этим принудила их уехать немедленно из ее дома. С ними уехал и отец мой, объясняясь прежде с матерью моею и прося ее передать сестре его предложение.

Мать, по робости характера, не смела сказать старшей сестре о предложении, ей сделанном, и о своей привязанности. Тетка

МИР – ОТЕЧЕСТВО

видела ее грусть, понимала причину, но молчала. При случае, когда начинала бранить Н. И. или ее мужа, приплетала и отца моего, рассказывая, что она слышала от верных людей, что он картежник, мот, собачник и буян. Подобные отзывы пугали мать мою, но не могли истребить впечатления, сделанного на нее отцом моим.

Прошло месяца два. Отец, не получая никаких известий, написал тетке письмо, в коем просил руки моей матери. Тетка изорвала письмо и не сказала ни слова об этом матери. Выведенная из терпения, Н. И. подала просьбу, что она продала права на получение своей части моему отцу, а от него поступила просьба о выделе купленной им части. Суд сделал распоряжение составить опись имению и отдать в опеку.

Испуганная этим распоряжением, тетка написала отцу моему, что она желала бы поговорить о разделе лично. Он не замешкался приездом, согласился взять самую дурную часть и, по окончании раздела, сделал вновь предложение моей матери.

Тетка, желая как-нибудь отделаться от него, потребовала, чтоб он остался жить в ее доме, продал свое саратовское имение, думая, что он на это не согласится. К крайней ее досаде, он беспрекословно принял все условия, которые она предложила.

Препятствия не оставалось. Она согласилась на предложение его, но отложила свадьбу на полгода, чтобы успеть сделать приданое, все еще имея надежду расстроить эту свадьбу, и, может быть, успела бы в этом, если бы не случилось нового обстоятельства по оренбургскому имению: огромная дача была куплена у башкирцев и по ней назначено межевание. Это решило тетку ускорить со свадьбой.

Отец мой имел характер кроткий и терпеливо сносил капризы тетки, но не подчинялся ее властолюбию. Делая молча, что хотел и избегая объяснений, он избегал большую часть неприятностей. За то мать моя должна была выслушивать укоризны сестры. Более всего бесили тетку пристрастия отца к псовой охоте и лошадям, которые действительно вредили его здоровью.

К году родилась старшая моя сестра и, по фамильному сходству с материнской родней, сделалась любимицей тетки. За ней родился я, но быв точным портретом отца, со дня рождения сделался предметом ненависти тетки: «киреевская татарская образина», – говорила она: – «пути в нем не будет». Из мести меняли часто кормилиц, начинавших меня кормить. Некоторые пере-

МИР – ОТЕЧЕСТВО

мены были за недостатком молока, некоторые по капризу тетки, и отец, огорченный этим, приказал воспитывать рожком.

Я был помещен в кабинете отца, который приставил ко мне вместо няньки бывшего своего ловчего, Федора Егорова, атлета по силе и росту (в нем было не менее двадцати вершков), и эта няня пела басом «баюшки-баю», таская меня беспрестанно по двору, на псарню, на конюшню.

Главы III. Дворянский полк. IV. В учебном батальоне. V. В отъезде по службе. 1812 г. VI. Много лет спустя. – Полковник Ситников. – выпущены из данной публикации. См. предисловие.

В деревне.

VII.

Приезд в деревню.

Долго я не делал никаких знакомств, наконец, решился сделать визит ближайшим соседям. Когда я приехал, в передней меня встретила босоногая девка в полосатой юбке. «Кого вам надо?» – спросила она меня. – «Твоих господ». – «А вы заседатель что ли?». – «Нет, дружок, я сосед из Ружевки». – «Из Ружевки? Ну так я барину скажу», – и с этим юркнула в коридор.

Я вошел в зал и чуть не на первом шагу ушиб себе ногу об выпятившуюся половицу. Пол весь был искороблен. На подбеленных, но не штукатуреных стенах были повешены карикатурные портреты: кавалеры в губернских мундирах, дамы в огромных чепцах, а некоторые – повязанные платочком, Ермак Тимофеевич глядел, вытараща глаза, на какого-то архиерея. Живописец, кажется, не богат был красками: сурик, охра, сажа и белила у него заменяли все прочее. О правильности рисунка и говорить нечего.

Вышедшая хозяйка застала меня созерцающим эти карикатуры. Я отрекомендовался. «Прошу садиться», – сказала она: – «Вот, сядьте, батюшка, на диванчик». Я, заметив, что, когда она садилась, то из дивана вылетела куча перьев, уклонился от приглашения и сел на стул, но и тут беда: он подо мной затрещал.

– А мы думали, – заговорила хозяйка: – что вы спесивитесь, батюшка, не хотите с нами, мелкотравчатыми, знакомиться.

– Извините, я застал имение в таком беспорядке, что должен был поневоле сидеть дома, чтоб как-нибудь это исправить.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

– Что вы, батюшка, а Егорыч? Ну, как у него быть беспорядку: строгий такой да знающий. Вот и мой старик его слушает. Испивает немного, но уж молодец, крестьянам потачки не дает. Из двери выглянули глазки: – «шалите, сестрица, что толкаетесь?!», – слышно было за дверью: – «Я маменьке пожалуюсь». «Хи-хи-хи!» – раздалось довольно громко, так что и маменька услышала. «Это мои проказницы шалят», – сказала она: – «шесть, батюшка, – трех хоть под венец. Извините, я схожу, выгоню их сюда, а мне похозяйничать надо».

Хозяйка ушла, за дверьми начался шепот: – «ступай, сударыня, разве съедят тебя?». «Нет, маменька, Катю пошлите». – «Как же, ты старшая – ну, так вылетай».

Действительно, румяная полная девица вылетела из-за двери, вытолкнутая, вероятно, маменькой. Покрасневшая как пион, переконфуженная, она сделала какой-то неловкий реверанс. Я подошел рекомендоваться. Она молча протянула мне пухленькую, хотя загорелую, но довольно красивую ручку, я поцеловал. Не зная и сам, как начать разговор, я спросил ее: весело ли ей жить в деревне? Лаконическое: «Да-с» было ответом. «В деревне еще весной не скучно?» – Опять: «Да-с». «Но неужели вы и зимой живете в деревне?» – «Да-с». – «Это, должно быть, скучно?». – «Да-с». – «Что ж вы делали зимой?». – «Вязали чулки». А, слава Богу, уж не «да», подумал я.

«Вероятно, читаете книги?» – «Да-с». Опять это проклятое «да-с», но, так и быть, подумал я: добьюсь же и другого ответа.

– «Какие же книги вам больше нравятся?» – «Ратклиф». – «Откуда же вы получаете книги?» – «У разносчиков-с».

Вышла другая сестра. «Это Душа», – сказала старшая. Я сделал поклон. Вошла третья. «Это Параша», – повторила опять старшая. Нить разговора прервалась, надо начинать сначала. «Есть у вас сад?» спросил я. – «Нет», – отвечала средняя. – «Роща есть», – прервала третья: – «и грибов в ней много». – «Вы, верно, их собираете?» – «Да-с», – отвечали все три враз.

Я не утерпел, вскочил со стула, и кстати: в дверь вылезла фигура отца семейства: низенький, полненький, краснолицый и красноносый старичок в казакине из домотканого мухояра бросился целовать меня, приговаривая: – «вот удружили, что пожаловали! С покойным батюшкою вашим дружен был. Тетеревей вместе стреляли. Что ж ты, Параша, сидишь? скажи матери, чтоб водки подали. Ну, живее!» – и Параша улетела.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

«А мы ждали вас и не ждали. Думали, пойдете ли вы к беднякам». – «Да кажется у вас порядочное имение, душ сто?» – «Сто тридцать, благодетель. Да черт ли в них? Наполовину безлошадных да дворни полон дом, управителя нет, староста мошенник».

– «Я думал, вы сами занимаетесь хозяйством?». – «Где, батюшка, самому везде углядеть? Попадутся – потеребишь одного, другого, а десятеро тащат – и не увидишь. Вот у Егорыча жнется 1500, а у меня 1000, молотится 8 пудов, а у меня 5 пудов. Что станешь делать с шельмецами? Станешь колотить, – отговорки: та, дескать, новая земля и чернозем, а у нас старая да с галькой, – плюнешь да и пойдешь».

«О чем вы толкуете?» – спросила вошедшая хозяйка. – «Мы говорили с Д. И. о хозяйстве». – «Нашли кому доказывать! если б не я, давно бы по миру детей пустили». – «Ну вот и неправда, голубушка: хозяин я хоть и плохой, а не мот. Прежде в картишки зашибался, а теперь и то бросил». – «Как уже нечего стало проигрывать, батюшка. Полноте, стыдно: дочери невесты». – «Ах ты Господи, да разве я их проигрываю?».

Я пошел с барышней в рощу. Душа была лучше всех собою и не так застенчива. Во время прогулки разболталась со мной и на обратном пути предложила мне догонять себя. Я согласился, но с условием, что если догоню, то поцелую ее.

«А если не догоните?» – «Куплю вам конфект». – «Только, смотрите, не мармеладу. Я его терпеть не могу!». – «Согласен», – ответил я. «Ну так догоняйте», – и полетела.

Я догнал резвуху, она хотела увернуться, но я схватил ее за талию и хотел по уговору поцеловать. «Не целуйте, ради Бога, меня теперь: сестры увидят и мне достанется от маменьки. Я вас после два раза поцелую!».

VIII.

Дядька Федор Егоров.

Как теперь гляжу я на этого старика великана, с зачесанными назад седыми волосами, с огромными бакенбардами и полисонами, накрахмаленными так же, как и коленкоровая его козынька. Помню его кувинский красный жилет и долгополый синий сюртук, вяжущего в уголке колпаки, когда мы учили уроки.

– «Поучи еще, не твердо, того-воно», – говорил он, когда я или брат закрывал книгу: – «я, того-воно, учителя спрошу, знал

МИР – ОТЕЧЕСТВО

ли ты урок, и матушке скажу», – и мы опять принимались зубрить вокабулы или спряжение глаголов, и урок выучен твердо.

«Дядька, скажи нам сказку, только не страшную!» – говорил брат.

– «Трус, того-воно. Не отцовская кровь, а материнская – польская!».

«Да что ж делать, дядька, когда я боюсь», – возражал брат.

– «Что делать? Кабы ты вырос не у Дарьи Григорьевны, дуры, под шушуном, так бы, того-воно, не боялся. Вот, погляди на брата, а отчего? Букой не пугали, вздору ему не говорили, вот и будет молодец-военный, а ты штатская крыса!».

Брат принимался плакать.

– «Ну что разрюмился, того-воно? Я скажу веселенькую сказку».

Тут начинал присказки.

«Да ты сказку-то сказывай!» – перебивал брат.

– «Сказку? Да разве сказка, того-воно, без присказки бывает, бестолочь ты этакая? Ну, это будет, что корова без рогов и без хвоста!».

«Я видел, дядька, корову без рогов» – говорил я.

– «Ну, что ж? Это урод, и сказка без присказки урод. Ну, слушайте, я коротенькую присказку скажу», – и начнется присказка снова. Тут явятся на сцену и Илья Муромец и Соловей-разбойник, или Еруслан Лазаревич с Кощеем бессмертным. Дядька говорил складно, и мы всегда слушали его со вниманием, останавливая иногда вопросами, вроде следующих:

«Как же, дядька, один человек мог перебить тысячу?».

– «Богу молился хорошо, за это Бог ему и помогал. Он ведь, того-воно, богатырь был».

Вот сказка досказана. Позовут нас из флигеля в большой дом, где помещалась матушка, ужинать. Если погода хорошая, то мы добежим сами, а сыро, после дождя, он возьмет – одного посадит на руку, другого на другую, да и донесет до дому.

«Дядька, тебе тяжело», – скажет кто-нибудь из нас.

– «Вот вздор какой, того-воно, тяжело! Много ль в вас весу? Как в цыплятах!».

После ужина мы отправляемся во флигель тем же порядком. Тут он заставит нас прочитать «Отче наш», «Богородицу», «Верую», помолиться за здоровье и упокой родных, разделет и

МИР – ОТЕЧЕСТВО

уложит, но долго слышим: «Господи помилуй! Господи, прости!» – и часа два старик молится, стоя на коленках.

Поутру дядька никогда не давал нам чаю, пока не помолились, а если замечал, что молились неохотно и рассеяно, то говорил:

– «Смотри, того-воно, ты дурно молился, урок позабудешь, в углу стоять будешь. Дворянский сын: стыдно, товарищи над тобой будут смеяться», – и этот укор заставлял вновь прочитать молитвы. Когда мы напьемся чаю, он нас отводит поздороваться с матерью, после чего возил на старом Чалке в гимназию. До окончания уроков, он, сидя в зале на окне, вязал колпаки или перчатки.

По выходу из класса осведомлялся у учителей, хорошо ли мы знали уроки, целую дорогу ворчал в случае неодобрения учителя, и возил кататься по городу, если учились хорошо. Иногда, во время вязанья его в гимназии, кто-либо из бегающих гимназистов скажет ему: «Здравствуй, дядька-Симбалда!», – он флегматически отвечал:

– «Симбалда, да не твой. Проваливай, того-воно, а то в класс за ухо отведу».

Угрозу эту он, при повторении глупой шутки, нередко приводил в действие, и учителя не только не сердились на него, но и сказывали «спасибо».

За обедом он всегда становился за моим стулом и если тетка А.И. начинала бранить меня, дядька вступался:

– «Чем он хуже, того-воно, вашего любимца? Не грешите, сударыня: не узнали, от которого больше почета будет!».

«Молчи, долгоносый дурак. Туда же, рассуждать пустился. Я вот Илье Сидоровичу скажу, так в полиции и выдерут!».

– «Что же, того-воно, выдерут так выдерут, а в обиду дитя не дам. Мне покойный барин его поручил на последних часиках своей жизни, дай Бог ему царствие небесное!».

«Знал, кому поручить: прежде щенков выкармливал, а тут сына!».

– «Что вы кости-то его трогаете? Грех, того-воно, он праведная душа был».

«Молчи, дурацкая рожа, не рассуждай».

– «Рожа, того-воно, какую Бог дал, а в обиду дитя не дам, дойду до высшего начальства: кто-нибудь сироту защитит».

МИР – ОТЕЧЕСТВО

«Перестань, дядька, ради Бога», – говорила матушка сквозь слезы.

– «Перестану, матушка-барыня, я, того-воно, не болван какой, вижу, что это вас огорчает, да утерпеть не могу: жалко – ваше же дитя!».

– «Жалостливый какой дурак: что ни проказничай его любимец, слова не говори! Хорош выйдет!».

– «Сестрица, да оставьте этот разговор! Егорыч по любви к нему за него заступается, разве можно винить его за это?».

– «По любви», – утирая слезы кулаком, говорил Егорыч: – «по любви, да я и душу за него отдать готов! Дурак я, по-вашему, а мне, не вашим умницам, поручил его покойный старый барин. Не вступайся я, так совсем ребенка замуштруют, и дура Дарья Григорьевна пинков надает, а дурак-то Егорыч в оба глядит, сударыня!».

Подобные споры бывали нередко, но А.И., зная решительный характер дядьки и что он при первом наказании меня непременно пойдет жаловаться губернатору или губернскому предводителю, ограничивала свои нападки бранью.

Я окончил гимназический курс.

Приехал в Казань мой крестный отец и, по просьбе моей, взялся отвезти меня в Петербург. Дядька почти к самому отъезду моему заболел горячкой и я, прощаясь с ним, горько плакал. Никанор Васильев, которого со мной послали, не мог заменить мне Егорыча. Он был человек пустой, беззаботный, хлопотал более о своем удобстве, чем о моем. В письмах моих к матери я всегда приписывал поклон Егорычу, и когда матушка объявляла ему это, он набожно крестился и со слезами в глазах говорил:

– «Добрая душа, отцовская, помнит меня, старика. Дай, Господи, дожить только до того времени, когда увижу моего молодца!».

Издредка я писал к нему особо, он бегал с письмом моим по всему двору: «Унтером, того-воно, сделали моего-то! Что, говорил я, молодец будет!». А когда я известил его о производстве в офицеры, он побежал в церковь служить молебен, рассказал встречному и поперечному о производстве моем:

– «Моему-то молодцу два чина враз дали, молодец, Киреевская кровь отважная!».

Через четыре года по отъезде моем из Казани я приехал в нее поручиком, мне было 18 лет. Дядька, узнав о приезде моем,

МИР – ОТЕЧЕСТВО

прибежал в комнаты матушки, бросился обнимать меня. Слезы градом катились у него из глаз, он не мог несколько времени выговорить ни слова, потом кинулся перед образом и сказал:

– «Господи милосердный! благодарю Тебя: увидел я своего красавца, услышал Ты мою грешную молитву! Что, матушка», – сказал он, обращаясь к моей матери: – « вот какое сокровище тебе вырастил!» – и вновь бросился целовать меня.

«Поцелуй меня, дядька», – сказала матушка: – за то, что вырастил мне сына молодца».

– «Матушка, стою ли я этого? Пожалуй, ручку я и то за милость почту». Но матушка поцеловала старика.

Когда он получил привезенные мною подарки, тонкое синее сукно на сюртук, шейный шелковый платок и жилет, он, как дитя, обрадовался и побежал показывать подарки всей дворне. С моего приезда старик поместился в том же флигеле, в котором помещался я. Никак не мог я уговорить его, чтобы он не чистил моего платья и сапог и не дожидался, когда я засижусь в гостях.

– «Вот выдумал! Того-воно, тяжело мне дожидаться тебя, а этого не знаешь, что я, не поцеловав тебя и не перекрестя, всю ночь не усну».

Года через полтора он вдруг начал хилеть, но ни одной минуты не лежал. Дня за три до смерти он сказал мне: – «Тяжело, я пойду в людскую», – но я не согласился отпустить его и убедил его лечь. Он не чувствовал никакой боли, а только одну слабость. Накануне смерти исповедался и приобщился, и умер, как заснул, без страданий, на моих руках. Последние слова его были:

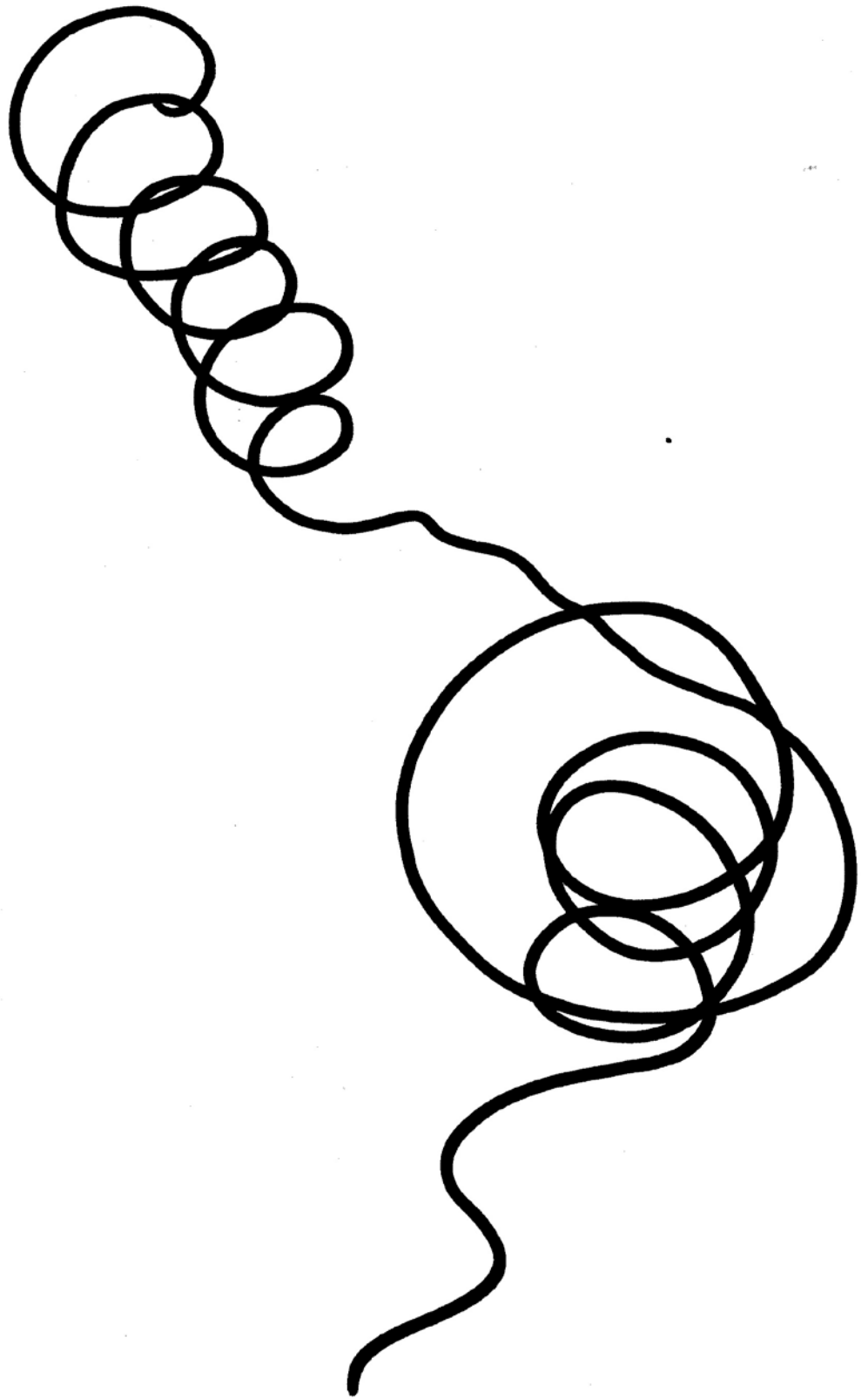
– «Я не увижу уже тебя, барин. Прощай, видно, конец мой приходит. Помяни меня. Я любил тебя больше всего на свете».

Я поцеловал его, взял его холодную руку, он сжал ее, и долго рука мертвеца держала мою руку. Когда я удостоверился в его смерти, я рыдал, как женщина.

Мир праху твоему, добрый старик! Всем, что есть во мне доброго, я обязан тебе. Ты свято исполнил свой обет отцу моему, ты пекся обо мне с младенчества, ты первый внушил мне веру в Бога и любовь к ближнему. Упокой, Господи, душу твою в селехии праведных!

Мих. Ник. Киреев

Конец

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Фигль-Мигль, «Эта страна», Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», Спб., 2017, 377 с., 2000 экз.

«Эта страна» – взгляд сквозь толщу последних ста лет на процессы, в конечном итоге сформировавшие современное состояние нашей страны такой, какой мы её ощущаем, а также – попытка объяснить, что наших ощущений, помноженных на наши собственные представления о том, как должно быть, недостаточно для понимания происходящего. Что для того, чтобы разобраться, нужно ещё кое-что знать. «Эти люди не могут принять будущее, которое в очередной раз оказалось не таким», – сказал Слава. (А ты? Подумал Саша. Ты ведь тоже не можешь. То прошлое, которое к тебе пришло – оно, что ли, такое?) Как бы там ни было, будущее и прошлое не нуждались друг в друге. Но противоестественно и уродливо приняли форму общего настоящего».

В отличие от В. Пелевина, который по большей части деконструирует видимую реальность, Ф-М в большей степени занимается деконструкцией типичных подходов к пониманию реальности. «Эта страна» – четвёртый роман автора. Об авторе (лауреат «Нацбеста» и прочее) распространяться не буду, желающие всегда могут погуглить самостоятельно. Спойлерить тоже не хочется – восприятие на чистый лист доставило мне большое удовольствие, и вам я желаю того же. Скажу только, что некоторым волшебным (зачёркнуто) научным (ясное дело, нанотехнологии) образом в современной России с целью оптимизации демографической ситуации перед лицом миграционных вызовов времени происходит восполнение генофонда, утраченного преимущественно в период примерно с 1910 по 1937 годы. То, что из этого вышло, ещё раз помогает прочувствовать известный тезис: история не имеет сослагательного наклонения. « – Мы занимались настоящими вещами, – сказал ледяной. – Организовывали, налаживали, защищали. Делали страну государством. А вы сейчас кто? Просто жандармы на службе буржуазии. – Зачем звали-то? В рожу плюнуть? <...> – Мы работали, – сказал фон Плау в пространство. – Мы взяли тёмный, неграмотный, опутанный религиозными предрассудками, озлобленный народ и сделали из него тех, кто выиграет войну и построит социализм. Мы отдали всё. Мы верили в будущее. – Теперь ты видишь, во что верил. – Я вижу горстку эксплуататоров, и одуроченных ими, и цепных овчарок, которым говорят, что они защищают родину – а не дворцы жулья и собственные будки. – Майор, остынь. – Пусть говорит, у

КНИГА ЗА КНИГОЙ

нас демократия. – Полковник Татев развёл руками. – Это когда тебя посылают на три буквы, а ты поворачиваешься и идёшь куда хочешь».

Это второй (после «Ты так любишь эти фильмы») детективный роман автора, события здесь разворачиваются вокруг поисков похищенных денег, то ли мафии, то ли партии, которые ведут в российской глубинке с одной стороны наёмник (из бывших кадровых, по всей видимости, выброшенный системой за борт в девяностых) теневых хозяев двух прямо-таки сиротских миллионов Расправа, а с другой – полковник ФСБ из Москвы Татев. «–... Знаешь, Татев, почему все так ненавидят московских? Вас не любят, потому что вы самозванцы и сами об этом знаете. Позиция абсолютного превосходства предписывает некоторую мягкость манер. Иначе это не выглядит абсолютным превосходством». И вдоль силовых линий в поле между ними мыкается в поисках утраченного генофонда питерский доцент-филолог Энгельгардт. «Вы в Питере все ненормальные, – сказал специалист дружелюбно. – Наверное, климат влияет. Знаменитые дождитуманы, да? Надышитесь...гм... испарений, начнёт мерещиться... рука к перу, перо к бумаге... рецепт мироустройства... а потом вся страна хлебает и давится».

Роман имеет разветвлённую древовидную структуру, во-первых, на уровне рассказа, где происходит постоянное освещение развития событий одновременно с точек зрения нескольких персонажей. Насколько это возможно; в качестве примера хочется привести Люка Бессона. То же самое ожидает читателя и на уровне построения предложений, которые во вторую очередь несут информацию о развитии событий, а в первую дают представление о ходе мыслей действующих лиц, и о том, как он влияет на развитие событий. Но отвлечённых рассуждений («философии») в тексте тоже достаточно. «Как-то бездушно этим миром правят, согласен? Без огонька. – И кто правит миром? – Как кто? Жадность, глупость и гормоны. Шучу. Миром правит мировое правительство. <...> – Теория заговора – всего лишь одна из теорий, описывающих устройство мира. Одна из двух, точнее говоря. – И вторая какая? – Теория хаоса. Теория хаоса тебе больше нравится? Нет, конечно, можно и с хаосом работать, если готов заранее. Больше нервотрёпки. Должен тебе сказать, что когда что-то делаешь, крайне неудобно исходить из предположения, что на результат может повлиять любой случайный плевок любого случайного

КНИГА ЗА КНИГОЙ

дурака. У некоторых, поверишь, руки опускаются. Дураков, говоришь, избегать? В условиях хаоса количество случайных дураков превосходит возможности маневрирования, и даже, при случайных обстоятельствах, случайным дураком может оказаться и вполне себе умный».

В отличие от Пелевина (я их сравниваю вольно, потому что они смысловые и стилистические антиподы, существующие на поле антиутопии, и невольно – потому что это два, на мой взгляд, наиболее интересных и значительных писателя эпохи), стиль изложения Ф-М лапидарным не назовёшь. И желание разобраться в интриге, а попутно в том, что же такое эта страна, потребует внимательного, медленного чтения, но результат того стоит. «– Да! Закричал доцент Энгельгардт. – Я её принимаю! Эту страну! С милицией, оппозицией, коррупцией и нефтезависимостью! С государем! С народом! С интеллигенцией! С советским прошлым! С самодержавием, православием и народностью! С КПСС! С КГБ! И с тремя разделами Польши!» А на последней странице мне было особенно приятно увидеть надпись «to be continued» (на самом деле – «конец первого тома»).

Елена Карева

Анна Мартышина. Узлы. Пенза, 2016, 114 с.

Когда я впервые услышала, как Анна читает свои стихи, внутри меня что-то щёлкнуло: захотелось перечитать, увидеть поближе, покопаться. Это неудивительно, ведь поэзия автора очень живая, кишашая интересными образами-находками, порой приводит в смятение, и даже грусть. Есть мнение, что поэт должен писать о смерти или о любви. В сборнике стихов «Узлы» очень много первого и совсем чуть-чуть второго. По крайней мере, мне так кажется.

Впрочем, если принять как ипостась любви бесконечную боль и муку за себя, за человечество, возможно за наше общество, то там всё про любовь. Безответную и безнадежную любовь к миру, который отвергает беззащитного в своем одиночестве и самости человека. Перед ним как будто каждую минуту разверзаются небеса, он 24 часа в сутки видит сущность этого мира как рентген – видит то, что не видят другие. У автора часто встречается слово «нутро», «нутряное», мне это кажется довольно символичным в стремлении познать суть вещей. Вселенная скручи-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

вается в некие узлы, пульсирует нейронной сетью наших улиц, где все не то чем кажется.

Из недавно читанных мною талантливых авторов Анна, пожалуй, всех переплюнула в депрессивности. Это неплохо, ведь идет от души, тем более за концентрированный авторский очень хороший язык можно простить любую безнадегу. Тем более что на таком мрачном фоне можно увидеть и небо в алмазах, и понять что пугают, но тебе нестрашно, потому что некуда больше бояться, устали мы всего бояться.

Рекомендую к прочтению всем истинным любителям поэзии. Добавлю, что сборник состоит из семи тематических глав: «Ледоход», «Игрушечное зло», «Вязь», «Окна в землю», «Тяжесть родства», «Глаза робота» и «Медицина катастроф».

И земное ядро оживет и медленно бьётся /А в груди продолжается – лезвием – ледоход.

Елена Кочева

Урал. Литературный журнал. 2017, №2. Екатеринбург.

Уральский "толстяк" создал впечатление исполненного достоинства хлебосольного хозяина, не лишённого доброжелательной наивности.

В наших самарских палестинах привычно, что столетней давности история с чехословацкими легионерами ("белочехами") является поводом для политических драк, переходящих в реальный мордобой. А в Екатеринбурге не побоялись открыть очередной журнал повестью-исследованием о русском офицере, плотно связанным с легионом и вообще с Чехословакией (Вадим Каржавин "Дважды генерал и Чешская мафия"). Судьба реального человека, которому суждено было написать первый абзац русской гражданской войны и едва не предотвратить (как знать?!) вторую мировую. Как-то сразу перестаёшь спотыкаться об огрехи литературного стиля и с нетерпением листаешь страницы: что же там было дальше? Повесть сравнима со знаменитой "Зимней дорогой" Л. Юзефовича по накалу страстей в почти документальном изложении и выиграла бы, устрани автор это "почти". Но и так получилось неплохо. Вот только написать в биографии автора "Увлекается историей" было, со стороны редакции, несколько неловко.

Мне бы хватило и этого, но журналу есть, чем ещё порадовать. Несколько стихотворных подборок, из которых запомни-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

лись Алексей Дьячков ("В окошке, распахнутом мной...") и Феликс Чечик ("Нафталиновое лето"). Я нередко плутаю в нынешних поэтических завалах: мыслей и приёмов много, а ярких образов порой и не найти. А теперь в моих закромах строки Дьяčkова: *"И речь, как собачку, ведёт"* (Диспансер), *"Бог, Твои любовь и неучастие/Тяжелее, чем свободы крест"* (Восстание) и нехитрая история от Феликса Чечика про желторотика, подкинутого в небо, чей неумелый полёт закончился неизбежным: *"Жил, будто раны зализывал,/страхи нанизывал и/больше не бредил безвизовым/небом любви"*.

Жанр романа-катастрофы обыденен, но Алексей Честнейшин (каков псевдоним, а?) написал повесть-притчу "Семь последних дней" и показался мне вполне убедителен в описании злоключений человека-свидетеля последних дней человечества. Я даже задумался, что бы делал в этой ситуации.

Новым читателям "Урала" порекомендую стихи в прозе Игоря Муханова, и ещё одну вещь non-fiction – воспоминания Заслуженного Изобретателя Алексея Лоскутова "От суммы да тюрьмы..." и прекрасные материалы разделов "Краеведение" и "Публицистика". Но вишенкой на этом прекрасном литературном пироге стала абсурдистская пьеса Романа Дымшакова "Паразиты", в которой идёт речь о мироздании, идеальных системах, отделах продаж, менеджерах, голограмме мёртвого Кобзона, волчьих ямах, Шамане, инцесте в противогазе, красных бумажных самолётиках, вылетающих изо рта, сямских близнецах и праве на свободу в одиночестве – в общем, о нас с вами.

"...Между двумя крайностями — музыкой с одной стороны и философией с другой — и поживает госпожа рифма, оберегая строку стихотворения от пагубного влияния обеих". (Игорь Муханов)

Арсений Ли. Сад земных наслаждений. Издательство "СТИХИ", 2016. Виноградово. Серия "Срез". Книга третья.

Всё-таки для бумажной книги фактура – первейшее дело! Необычный формат – с верхним косым срезом, крафт-бумага, обозначающая разделы, с автографами стихов и графическим портретом автора. Гарнитура Minion pro. Стильно. Автор, конечно, сноб – посвящения на греческом в стихах о музах, прихотливые завиточки в заглавиях. Но для книги-перфоманса, а по дру-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

тому это и не увидишь, вполне естественно. Встречают-то по одежке. А по уму... А что по уму? Радостное ожидание праздника общения, на что настраивает книжная "одежка", меня, во всяком случае, не обмануло. Игра – пожалуйста: Эвтерпа, Терпсихора, Эрато, Психея... Кто вам более по вкусу? Общение с великими? Легкость необычайная! *"Катулл уснул, а я наоборот..."* Это к тому, что *"забудут всех, один Катулл живет"*. Ну и того, кто с ним дежурит посменно – из памяти, надо думать, не вычеркнут. Веселящие напитки? А вы как думали? Только заказ не простой – поэтический. *"Рифма – бедная подружка/нищей юности моей – /навещала неохотно,/не идет теперь"*. Вспоминаете? Даже второгодник радостно подхватит: *"Выпьем с горя, где же кружка?"* И ошалев немного от многолюдья – *"из нашей гавани на вашем балу"*, пожалуй, только Онегина с Чацким и не было – рискуешь проскочить момент, когда приходит время для молчания, раздумия, созерцания:

*посмотри в черноту отражения старого пирса, –
это мелочь блестит или всходит ночная звезда?*

или еще:

*Тщедушный сад и ветхая ограда,
и карандаш часовни в гуще сада
без грифеля торчит.*

Автор не прочь и умилиться порой, но зрение подводит – оно слишком ясное:

*...с надеждой милые черты
провинциальной простоты...
пытаешься найти, – тщета, –
тлен, запустенье, нищета.*

И простое до банальности, но от этого не менее вечное сожаление о напрасно проходящем времени – *"Проходит год, и будущий пройдет.../и снова мимо"*.

Один из очень значимых для меня авторов сказал однажды: кто не думает о смерти – не может быть поэтом. Вот и герою этой книги *"как же порою действительно хочется не продолжаться вообще"* или уж, вспоминая 90-е, вздохнет – *"Это время, когда не жить – легко... и есть свобода"*.

Но – неет! – деятельную натуру не утомишь праздниками и не расслабишь грустью:

*А было – прикорнешь на остановке,
очнешься робинзоном, – глядь – земля*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

свободна и готова к освоению.

Закрываешь книгу, будто уходишь с праздника в будни, дела, суету, но знаешь:

*Кончится слово, останется только свобода
не отвечать*

Волга. Литературный журнал. 2017 год, №7-8. Саратов.

Журнал "Волга" определённо не для вас, если вы хотите отдохнуть после тяжёлого дня и надеетесь, что чтение вас развлечёт. Читать – оно конечно, не мешки ворочать, но знающему толк в том и другом временами подумается: не отложить ли журнал, где там десяток-другой мешков с углём?

Во всяком случае, иероглифы движения детей и ворон плюс настоящее время как форма живой материи Артёма Верле или взимоупиханность, баллада о самотыках и внутренность бытия как воплощение любви голодных в подборке Михаила Немцева или прорывающее сквозь словесную звуковязь сожаление Елизаветы Шершневой о том, что *"ребро и слово... всуе обронено"* – заставят вчитываться и думать, и откладывать журнал, и снова возвращаться. Но простоты и лёгкости не будет. "Поэзия должна быть глуповата", – писал когда-то гений. Не тот случай, не тот.

А и с прозой не расслабишься. Начните с фантазмагорического "Портрета" Сергея Шикеры, дальнего но прямого потомка роковых портретов Уайльда, Гоголя и Гаршина. Поройтесь в груди скелетов, сваленных в славянском шкафу Владимиром Тучковым, и поймете, что розы-морозы стародавнего парка Чаир рифмуются не случайно, и уж точно не в угоду ждущему отдохновения читателю. А уж последний большевик из повести Александра Титова "Чичичилетие", как престарелое воплощение негнибаемых героев Шолохова, Фурманова, Островского, при этом странно рифмующийся с героем бессмертной поэмы Гоголя, кому-то, пожалуй, и уснуть не даст. Да уж, саратовский журнал в качестве снотворного никому не порекомендую.

Традиционно радуют разделы, отведенные историческим, литературоведческим и культурологическим материалам. Это главы из книги Владимира Орлова о знаменитом правозащитнике Александре Гинзбурге, исследование Сергея Слепухина о творчестве "эротического демократа" Генриха Манна, как ниспровергателя общественных законов благопристойности (уж век про-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

шёл, а как современно звучит). А в более глубоких временных пластах известный исследователь забытых и вовсе неизвестных литературных имён Георгий Квантришвили раскопал и предъявил нашему вниманию поэта и мемуариста XIX века Михаила Дмитриева, московского чиновника и сызранского помещика, прославившегося умением нажать врагов в Грибоедове и Вяземском, Белинском и Писареве, либералах и славянофилах, чиновниках и нигилистах... "Поэта далеко заводит речь..." Зато журнал "Волга" рядом – на сайте "Журнальный зал", если кому не повезло с бумажным экземпляром.

В среду всегда была осень. Даже если во вторник была зима или весна, а в четверг – лето или весна. (Кусчуй Непома)

Сергей Пиденко

Д.Перегудов «Universonum». Рассказы. Тольятти, 2017 г. – 144 с.

Книга Дмитрия Перегудова «Universonum» является достойным продолжателем традиций научной фантастики, началом которой можно считать роман Сирано де Бержерака «Государство и империи Луны» и которая получила развитие в 20 веке гениальными антиутопиями Джорджа Оруэлла и Хаксли (намёки на последнего можно увидеть в рассказе «Остров»).

«Universonum» вполне оправдывает свое название – Вселенная. Вселенная как Космос и Вселенная как мир. Это сборник рассказов, которые могут служить небольшими окнами в удивительный мир будущего – причем необязательно далекого. В повести «Остров» и рассказе «Хрупкость» действие развивается в 21 веке.

Что радует, сценарии развития человечества, по мнению Дмитрия Перегудова, не только отрицательные – автор сохраняет в читателях надежду и на счастливое будущее, поэтому в рассказах есть не только антиутопии – истории гибели разных цивилизаций, но и вполне благополучная цивилизация Сферы, откуда родом герои рассказа «Экзонавты».

Рассказы разные, но объединяет их два мотива – будущее и Жизнь, противостоящая смерти. Именно Жизнь здесь главный герой – хрупкая, но вместе с тем сильная и непостижимая. Организация Синклит из повести «Остров» сделала Жизнь своим главным символом, обратив в божество Матери-Жизни. Синклиту противостоит анти-жизнь или не-жизнь – некие сущности, жаждущие смерти всего живого во имя Порядка. Какого именно –

КНИГА ЗА КНИГОЙ

понять сложно. По такому же пути пошла и неназванная цивилизация из рассказа «Экзонавты». Правда, по религиозным соображениям – вообразив, что жизнь сама по себе греховна (так и хочется вспомнить запрещенные организации, вроде ИГИЛ).

Что же угрожает цивилизациям, по мнению Дмитрия Перегудова? Разное. Это может быть и осознанное стремление к смерти или просто желание переложить ответственность за свою жизнь на других. Что, как показывает читателям Дмитрий Перегудов, иногда то же самое, что осознанное самоубийство. Так случилось с цивилизацией инуэ, которые позволили «друзьям» с другой планеты кормить их вкусной саигатой вместо того, чтобы самостоятельно решить проблему голода. Или хотя бы хорошо изучить этот «подарок», на деле оказавшийся биологическим оружием (рассказ «Экзонавты»).

Но в любом случае выбор остается. У читателя сохраняется твердая уверенность, что последнее слово остается за человеком. Все описанные в книге погибшие цивилизации пришли к такому исходу по собственной воле. Даже в повести «Остров» погубившая всех жителей острова Иксам Сущность ничего не смогла сделать с человеком, который на вопрос: «Зачем тебе продолжаться?» нашел ответ. Он хочет жить для других. И «счастья Небытия» ему не нужно.

Синклит. Название не имело значения. Оно могло быть совершенно другим. Имена не важны. В конце концов самый первый Голос Синклита именовал себя Безымянным. Немо. Важна лишь цель, ради которой сообщество существует. Цель – построить совершенный мир, где не будет страданий, и все будут счастливы. Ни больше, ни меньше (повесть «Остров» Пролог).

Игорь Тишин. Дефекты. Стихи. Санкт-Петербург. Свое издательство. 2014г.

Стихи Игоря Тишина относятся к стилю нуар – жанра, связанного с пессимизмом, жесткостью, мрачным восприятием действительности. Но это мрачность фехтовальщика, вооруженного Словом и безжалостно кромсающего действительность на обрывочные строчки. Здесь есть и модные словечки вроде «хипстер», и имена американских звезд («Ты малолетняя хипстерша в шерстяной»), и названия телепередач – весь тот мусор, забивающий головы и составляющий нашу реальность.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Среди реалий нашей жизни, описанных автором, есть и супермаркет («О, это была неожиданная встреча»), и безжалостно изображенный мир денег и потребления, где ценность человека равна тому, что он может себе позволить в супермаркете.

Но главным в поэзии Тишина являются все-таки люди и их чувства. Любовь – чаще всего безответная, где предательство пытаются прикрыть фразами, вроде: «мы не сошлись характерами». В стихах Игоря Тишина такие фразы лирического героя звучат пусто и глупо, как маски, скрывающие бесчувствие.

Там, откуда я пришел, меня /не ждут ни красавицы, ни родня/Там поля исчирканы стержнем/жирным и черным, как ливень/среди бела дня («Там, откуда я пришел»)

Елена Богатырёва «Видения Юлии Крейзер». Пьеса. Самара, 2016 г. – 38 с.

Книга Богатырёвой Елены «Видения Юлии Крейзер» напоминает наполненный ловушками лабиринт. Мы даже не можем сказать, что это – одна пьеса из двух частей или сборник из двух самостоятельных пьес – «В ожидании ветра» и «Шум моря». В обоих текстах воплощены традиции «театра абсурда». В первом – «В ожидании ветра» встречаются отсылки к пьесе ирландского драматурга Самюэля Беккета «В ожидании Годо», отсылки к любимым с детства сказочным образам – Дракон, фея, волшебное кольцо, Голова великана, являющегося братом коварному карлику (сразу вспоминается Пушкин «Руслан и Людмила»). В какой-то момент тебе кажется, что ты понял, о чем эта история, идешь следом за своей догадкой, но натыкаешься на зеркало. Твоя догадка оказывается маской или зеркалом. Или даже отражением маски в зеркале. Автор выступает в роли алхимика, создавшего удивительную смесь фантастических деталей с реальными людьми и историческими событиями и иносказательной философии.

Главные герои здесь – композитор Иоганнес Крейслер, герой повести Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» и его возлюбленная Юлия. Возможно, та самая гофмановская принцесса Юлия. Чем закончилась их любовь читатель «Житейских воззрений» так и не узнал. Гофман по непонятной причине уделил больше внимания истории самолюбивого разумного кота. Однако «фанфиком» пьесу «В ожидании ветра» назвать ни в коем случае нельзя (фанфик – любительское сочинение по мотивам популяр-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ных оригинальных литературных произведений). Перед нами самостоятельный, оригинальный текст.

В остальном каждый увидит то, что захочет – одни решат, что все происходящее лишь сон Юлии или ее бред, другие – что герои умерли и попали в некую параллельную реальность, «город масок».

Вторая часть – «Шум моря» – никак не связана с первой и гораздо ближе к традициям «театра абсурда». Сюжета как такового здесь и нет. Герои – Мартин и Иза, живут на берегу моря. Возможно, это некое пространство между миром живых и миром мертвых. «Ваша роль маленькая, давать проход младенцам», – говорит Мартину Иза. Возможно, тем, кто отправляется на землю. Души здесь показаны как бегающие тут же по берегу пионеры. Явно не советские пионеры. Возможно, здесь это слово употреблено в изначальном значении – «разведчик, первооткрыватель». Это души, которые родятся в первый раз.

Остается лишь догадываться. Но в любом случае оба текста будут лишь зеркалами (недаром образ зеркал здесь играет не последнюю роль), в котором каждый увидит то, что увидит. Но не обязательно это будет реальность.

«Тот, кто может больше, может только меньше./Пустота пуста./Дорога открыта для всех./И тогда у Годо должно спросить тем,/Кто ожидает ветра:/А больше ничего нет?» (Е. Богатырёва «В ожидании ветра»)

Алина Науменко

Саратов 13/13 книга стихотворений. Саратов: Музыка и быт, 2017.-198с.

Книга саратовских поэтов "Саратов 13/13" охватывает промежуток времени в 70 лет и 13 саратовских поэтов. Книга начинается со стихотворения 1942 г. Валентина Ярыгина. Здесь война, отложившая отпечаток на всю последующую жизнь. Далее мрачный взгляд на жизнь Александра Ханьжова, хождение по кругам ада длиною в полвека 1947-2002. Потом поэт Николай Кононов приглашает в своих стихах:.." не ори, не матюгайся", а узри красоту родного языка: .." и ливера ливни в Ливорно..". Светлана Кекова с рождественскими размышлениями – пусть всё-таки запоют калядки. Олег Рогов отражает новые времена, где деньги уже существуют в виде пластиковой карточки, здесь же: скидки, бонусы, рассрочка. У Евгения Малякина на ящерице ездят кузне-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

чики как человеки на автомобилях и скрипит сверчок. Лариса Грекалова: " Белый налив,.. святость молитвы,.. легко охватывая космос. Евгений Заугаров – в джунглях индустриального города:"..поезд, радиолампы, фосфор, нефть, металлопрокат. Станислав Степанов поёт о женской красоте: лебединая шея, талия осы, крутобёдра, как виолончель. Игорь Алексеев, Алексей Голицын, Сергей Трунев – наши современники, и описывают реалии жизни последних лет. Алексей Александров, запомнившийся улыбчивостью на тольяттинских фестивалях поэзии, завершает книгу саратовских поэтов 13/13 "будь здоров, будь здоров".

Слава Трошин

**Инна Домрачева. Лёгкие. Издательство "СТИХИ", 2016.
Виноградово. Серия "Срез". Книга первая.**

Стихи Инны Домрачевой обратили на себя внимание очень давно. Лет 5-6 назад она уже очень активно публиковала свои стихотворения в фейсбуке, а я их внимательно читал. Тем не менее, несмотря на силу и эмоциональность этих текстов, цельной картинкой не складывалось. Возможно, что не складывается и сейчас, после выхода «Легких», ведь все, что внутри книги – сплошное сердце, настоящая лирика. Какой связности и последовательности можем мы требовать от эмоции?

Тем не менее, книга все-таки случилась. Здесь все по делу – и изящное оформление, и название разделов книги, и цвет, и срез. Вначале никакой легкостью и не пахнет. Тяжкая работа памяти и напряженного взглядывания в жизнь не дают возможности читателю поднять голову и увидеть – небо, горизонт. Воспоминания, дети, родители, женщины – все они очень больно цепляют своими коготками, не думая что-то пропустить или облегчить.

Во втором разделе «Между воздухом и кровью» намечается выход наверх, в воздух. Это пока еще только обещание, робкое и наивное, почти нереальное. Язык становится чуть суше и кристальнее, эмоция перетекает из чистого страдания в нечто неосязаемое более тонкое, неразборчивое, но также сильно резонирующее с душой читающего.

Окончательного легкости и выхода в катарсис в третьей части книги я все-таки не обнаружил, но лучшие тексты этого раздела «В зоне повышенной прозрачности» все-таки взмывают и летят, приобретая нездешнюю летучесть. Это и стихотворение «Да кем тебе было назначено..», «Зачем в глазах твоих живут..» и

КНИГА ЗА КНИГОЙ

«С тобой не видится полезно...». Замечательная книжка. Чудесные тексты. Чистая лирика.

«Если плачут весной облака – не грусти...»/ Мы когда-то не прятали глаз/ То ли мы, наконец, перестали расти,/ То ли мир это сделал за нас.

РЕЧПОРТ. №2. Новосибирск. 2017 г.

Я всегда надеялся увидеть крутой сибирский альманах. Дождался. «Речпорт» реально крут! В мои приезды в Новосибирск (я был там 3 раза) как-то не случилось оценить литературный уровень местной поэзии и прозы, но последний визит кое-что прояснил. Оказалось, а теперь и подтвердилось журнально, что в Новосибирске обитают и активно работают не менее двух десятков очень ярких личностей. «Речпорт» – это выжимка их устремлений, проектов и текстов. Даже подзаголовок «Речпорта» – культурный путеводитель по Новосибирску и окрестностям – заявляет о том, что охват реалий больший, чем только литература. В альманахе присутствуют: музыка, живопись, графика, фотография. Статьи. Репортажи. Отчеты. Эссе. Аналитика. Тем не менее, главное блюдо номера – стихи и беседы. Именно не интервью, а живые беседы – о жизни, о поэзии, о городе. Это очень правильный концепт, не пафосный, но амбициозный, ведь сейчас очень важен серьезный разговор о жизни, музыке и поэзии. Авторы номера: Андрей Щетников, Михаил Немцев, Сергей Шуба, Святослав Одаренко, Михаил Моисеев, Иван Полторацкий и другие. Вообще, от издания веет свежестью и азартом. Это очень хорошо. Это означает, что Новосибирск литературный – вполне боеспособная сила, готовая созидать и разрушать, то есть жить на равных со всеми современными тенденциями, вариантами и возможностями.

На уровне ощущений от тех текстов, с которыми я знакомился и сегодня здесь услышал, Новосибирск представляется мне городом, свободно подвешенным в пространстве, неким городом-призраком, Летучим Голландцем. (Глеб Манжалец)

Николай Васильев. «Выматывание бессмертной души». Москва. Стеклограф. 2017 г. 75 с.

Стихи Николая Васильева только поначалу кажутся понятными и легкими. Для того, кто слышал эти тексты в авторском исполнении, вслух – это вопросец. Чем больше вчитываешься в эти

КНИГА ЗА КНИГОЙ

столбики слов (без названий, без заглавных букв), тем больше не понимаешь – как это мне показалось, что тут есть смысл? Смысл, однако, в этих стихах есть, и эмоция есть, и сильные образы, и точные слова. Просто то, как поэт читает свои стихи – наизусть, эмоционально – дает сложиться ощущению, что эмоция может быть разделена со слушателем, а вот у читающего такой реакции не намечается. Направление читательского отклика задано картинкой на обложке книги «Выматывание бессмертной души» – городская лирика. Города действительно много: бульвары, мосты, штукатурка стен, трамваи, такси, асфальт. «Как похожи на старый асфальт стены этих домов..» – пишет автор и кажется очевидным – поэт много чего прошел, много чего продумал в пространстве большого города. Образы книги – затемненные, неявные, скрытые от профанного читателя. Первые три фамилии русских поэтов, что пришли в голову при чтении – Осип Мандельштам, Михаил Зенкевич и Сергей Есенин. Это если Серебряный век. В современниках же можно легко затеряться, поэтому обойдемся без параллелей. Но, как я уже сказал, впечатление от стихов Васильева, от книги этой – вполне цельное, объемное. Хороший современный поэт. Без вопросов.

о чем-то полусокровенном речь/ по нервному канату середины

Сергей Сумин

АВТОРЫ

Бикбулатов Тимур родился в 1972 году. Два года являлся заведующим Веретейским школьным музеем. Затем учеба на филфаке ЯГПУ, работа в лицее № 36. С 2007 года – журналист. Выпустил 7 книг: «Любовь пограничника», «Делирика», «Некрологика», «Время и стекло» (поэзия), «Волчье солнце», «Бог-н-черт» (проза). Живет в Ярославле.

Бронская Мария. Поэт. Высшее гуманитарное образование. Работает в библиотеке. Живет в Ульяновске.

Васильев Николай. Родился в городе Череповце в 1987 г. Закончил Литературный институт. Публикации в журналах "Иные берега", "Процесс", "Литературная учёба", "Зарубежные задворки", "Ното Legens", в сб. "Новые писатели" по итогам форума молодых писателей 2014 года. Автор книги стихов "Выматывание бессмертной души". Живет в Москве.

Домрачева Инна. Родилась в 1977 в Свердловске. Выпускник факультета журналистики УрГУ (ныне – УрФУ). Участник товарищества поэтов «Сибирский тракт». Публикации в региональных альманахах, в журналах «Плавучий мост», «Урал», «Волга», «Сибирские огни», «День и ночь», «Новая реальность», «Белый ворон». Автор книг «Обечайка» (портал «Мегалит», Кыштым, 2016) и «Лёгкие» (издательство «СТиХИ», Виноградово, 2016).

Дмитриев Андрей. 1976 года рождения. Живет в Нижнем Новгороде. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Член Союза журналистов РФ. Публиковал стихи и прозу в журналах «Нева», «Дружба народов», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Гвидеон», «Луч» и других.

Казаков Илья родился в 1975 году. Проходил обучение в БГПИ и БГУ на кафедре иностранных языков (спец. французский язык). В настоящее время трудится в качестве художественного редактора еженедельника ИСТОКИ (Уфа).

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер, литературовед. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

АВТОРЫ

Князев Андрей. Родился в 1972 году. Поэт, прозаик, музыкант. Активный участник поэтической группы «Олимпийские игры». Публикации в различных изданиях. Работает программистом. Живет в Тольятти.

Кротова Мария родилась в 1987 г. Поэт. Окончила Российский государственный педагогический университет по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Живёт в Екатеринбурге.

Ли Арсений. Родился в Ленинграде 6 октября 1977 года. Окончил биофак Уральского госуниверситета. Биохимик. Дизайнер, руководитель рекламного бюро «Револьверарт». Сооснователь товарищества поэтов «Сибирский тракт». В 2015 году вместе с Аллой Поспеловой и Андреем Пермьяковым организовал издательство «СТиХИ» — «Сибирский тракт и хорошие индивидуальности». Публикуется в журналах «Урал» и «Волга».

Липатов Денис. Родился в 1978 году в г. Горьком. Окончил инженерно-физико-химический факультет НГТУ им. Алексеева (2001 год). Стихи и проза печатались в журналах: «Нева» (Санкт-Петербург), «Континент», «День и Ночь» (Красноярск), «Крещатик» (№1(63), 2014) «Луч» (Ижевск), «Транзит-Урал» (Челябинск) и др. Живет в Нижнем Новгороде.

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти. Автор книги "Прогулки по крепостной стене", 2014.

Придворов Михаил – поэт и фотограф. Закончил ЧПИ (ЮУРГУ) по специальности «летательные аппараты». Остался в институте в лаборатории «гидродинамики и тепломассообмена», после чего работал в лаборатории «рыбного хозяйства», где был и слесарем-механиком, и водителем и рыбаком. В настоящее время экономист по специальности.

АВТОРЫ

Родькин Артем родился в 1988 году в Набережных Челнах. Окончил Казанский университет, работает программистом. С 2017 переехал в Казань. Постоянный участник "Аксёнов-феста". Публикуется в журнале «Октябрь».

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Поэт, эссеист, литературный критик, автор книг стихов и прозы «Письмена листвы» «Слова и мед» и «Метаморфозис», организатор ежегодных фестивалей поэзии Поволжья. Стихи и короткая проза публиковались в 25-ти российских журналах, также опубликован в Германии, Казахстане и Украине. Живет в Тольятти.

Сушко Василий. Родился в 1989 г. Художник, музыкант, поэт, участник литературной группы "Олимпийские игры". Живет в Тольятти.